

ЛитРес:

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО

ЮЖНЫЙ РУБЕЖ

Сотник из будущего

Андрей Булычев

**Сотник из будущего.
Южный рубеж**

«Автор»

2020

Булычев А.

Сотник из будущего. Южный рубеж / А. Булычев — «Автор»,
2020 — (Сотник из будущего)

ISBN 978-5-532-17859-5

Обережная сотня освобождает от ватаг разбойников большую часть земель Великого Новгорода. Торговые пути «из варяг в греки» скоро будут свободны. В Андреевском начинает работать воинская школа, где детей-сирот учат ратному искусству и множеству наук сам Сотник и его воины - ветераны. Построены новые ремесленные мастерские, выпускающие прекрасные и востребованные изделия и лучшие образцы оружия. Сельское хозяйство строится на новый лад, выращивая новые для этого времени культуры и готовясь насытить закрома земляков. А с юга-запада Руси начинают угрожать нашествием усилившиеся и объединившиеся литвины. На Балтике нарастает противостояние между владычицей северных морей Данией и союзницей Новгорода Ганзой. Для отражения всех этих угроз сил сотни явно не хватает, и нужно создавать новую дружину, которая будет нести порубежную службу, разведку, а также сможет сломать и спутать планы многочисленных жестоких врагов Руси. Сотнику нужны верные сподвижники и собственное, хорошо обученное войско!

ISBN 978-5-532-17859-5

© Булычев А., 2020

© Автор, 2020

Часть первая. Школа Сотника.

Глава 1. Немного из истории.

Обережная сотня Андрея Сотника «зачищает» от разбойных ватаг большую часть земли Великого Новгорода. Основные торговые пути северной Руси «из варяг в греки» совсем скоро будут свободны.

В усадьбе Андреевского поместья начинает работать ратная воинская школа, где детей сирот учат воинскому искусству и множеству наук сам Сотник и его сподвижники по бывшей ратной службе.

В поместье построены новые ремесленные мастерские, выпускающие прекрасные и востребованные изделия и лучшие образцы оружия.

Сельское хозяйство строится на новый лад, выращивая новые для этого времени овощи и зерновые культуры, готовясь насытить закрома земляков своей продукцией.

А с юго-запада Великому Новгороду начинают угрожать нашествием усилившиеся и объединяющиеся в единую державу Литвины. На Балтике всё нарастает противостояние между владычицей Восточного моря Данией и союзником Великого Новгорода Ганзейским союзом.

Для всех этих угроз, сил «Обережной сотни» явно не хватает, и нужно создавать новую «Дозорную сотню», которая будет нести порубежную службу, вести разведку на дальних и ближних подступах к новгородской земле, а также сможет сломать и спутать планы многочисленных, коварных и жестоких врагов Руси.

Сотнику нужны верные сподвижники и собственное, большое, хорошо обученное войско, чтобы преодолеть все трудности и опасности этого лихого и кровавого века!

Глава 2. Домой.

По рыхлому и ноздреватому мартовскому снегу, поверх льда Валдайской речки Полометь, шёл в сторону устья Ямной большой обоз. Двадцать саней в нём неспешно катили в сопровождении двенадцати верховых всадников. Седоусые дядьки с копьями в руках и с мощными сложно составными луками за плечами выглядели грозно и устрашающе, притягивая к себе внимание многочисленных встречных торговых караванов, спешащих до закрытия ледового пути проскочить домой. Ещё больше внимания притягивали к себе те, кто сидел или лежал в проезжающих санях обоза. Были в них и суровые ветераны, и безусые юнцы, и даже две пригожие девицы держали в руках поводья. Объединяло же их одно. Серьёзные и цепкие взгляды повидавших большую кровь воинов, справное оружие и наличие ран, перевязей да многочисленных следов крови и пробоин/порезов на одежде.

– Обережные! Обережные идут! Ты смотри ка, сама Андреевская Обережная Сотня возвращается, вон все-то в крови как! – шептали купцы, их возничие и караванная охрана, споро уступая дорогу и снимая шапки перед этим грозным воинским санным поездом. Слава о деяниях этой Сотни за каких-то полгода стала легендой и разлетелась уже далеко за пределы самой северной Руси – Новгородчины, где и была создана только недавно.

Шёл 1225 год от Рождества Христова (все даты и само летоисчисление дано в новом времени). Средневековая Русь раздроблена на отдельные княжества и ослаблена смутой и княжскими междоусобицами, а в её лесах полно разбойничьих ватаг, терроризирующих население. И не было закона и порядка в её землях!

На внешних рубежах тоже было всё неспокойно. С враждебного запада шёл натиск рыцарей ордена Меченосцев и Тевтонского. С севера, на союзников и данников Новгорода племя Карела – совершали набеги финские племена Сумь и Емь, поддерживаемые и наускиваемые Свееми (шведами). С юго-западного направления рвались грабить и разорять Русские земли,

объединяющиеся и всё более усиливающиеся Литвины. И уже совсем скоро на северную Русь из-за аномальных погодных условий, морозов и затяжных дождей летом, придёт жуткий голод, выкосивший половину её жителей. Когда жуткие случаи каннибализма были совсем не редки, не говоря уже вовсе о том, что жизнь человека в это лихое время совсем не стоила ничего.

А ещё где-то далеко на юге, в степях копила силы и расширялась, покоряя и поглощая соседние страны и народы, могучая монгольская держава, созданная великим правителем средневековья, железным Чингисханом (Тэмуджином).

Пройдёт чуть больше десяти лет, и обрушатся её непобедимые тумены на русские земли, сметая города, княжества и все те рати, что только сможет выставить против них разрозненная Русь. Обезлюдеют её земли, и падёт на них степным волосяным арканом удушающее, тяжкое монгольское иго, что ещё целых двести лет будет потом сковывать любое её развитие.

Всё это было доподлинно известно командиру Дозорной Сотни Великого Новгорода Андрею Ивановичу, сыну Торопецкого десятника Хвата, в чьей личности органично слилось сознание далёкого потомка, отставного офицера из двадцать первого века и его предка, бывшего Сотника элитной Княжьей Дозорной Сотни. И всем этим личностям было настолько комфортно и естественно в едином теле и сознании, что никакого разлада вообще при этом не ощущалось. Все они прекрасно и органично дополняли и обогащали друг друга всеми теми знаниями, навыками да умениями, что были когда-то у отдельного человека из средневековья и нового времени.

Самой же целью Андрея стало сделать всё, чтобы облегчить и укрепить свою землю от всех тех бед и напастей, каких только было возможно и в его силах. И с созданием своей первой вот этой боевой рати в виде Обережной сотни стал он к этой заветной цели хотя бы ещё на один шаг, но ближе.

Прошло всего три месяца как Господний (Высший совет) Великого Новгорода выдал грамоту с разрешением на её создание. Определив основной задачей борьбу с заповившими всю северную землю ватагами разбойников.

И вот очищены торговые пути в ближайшей округе, а сами разбойники преданы смерти. Но знал и понимал Андрей, что это только начало на его долгом пути и сколько ещё таких банд орудует в землях всей огромной Руси!

Вторым самым важным решением Господнего Совета было разрешение укреплять жалованное ему Андреевское поместье с её усадьбой и обустривать в ней воинскую школу отроков, оставшихся сиротами, и детей из семей дружинных ветеранов, что сами захотят их ему доверить.

—Подтянись!

Понеслась команда по длинному каравану, и кони начали набирать ход, следуя пожеланиям своих возничих.

Скорее домой, в родное Андреевское, где можно будет снять с себя всю кованную броню и кольчуги, разложить по оружейным хранилищам луки, самострелы, копья, мечи и многое из того, что лежало сейчас наготове рядом с их хозяевами.

А больше всего хотелось поскорее войти в жаркую парную да стряхнуть, смести, сбить с себя весь этот многодневный пот добрым берёзовым или дубовым веником. Махнуть ещё один ковшик травяного настоя на горячие голыши и зажмуриться от удовольствия, чувствуя, как горячо, покалывая струиться по твоим жилам алая кровь.

— Хорошо-о! Живой яяя...!!

И с рёвом и хохотом с такими же разгорячёнными в бане товарищами броситься в снежный сугроб, заорать, зарычать, чувствуя блаженство от этой яростной силы, борьбы и столкновения двух великих стихий: жары и лютого холода!

А потом снова бегом в парную, хлебнув по пути из резного липового ковшика хмельного ржаного кваса!

– Поддай парку, Филат! Аррр! Ещё не жалеи!

Всё это будет, а сейчас воинский караван входил в устье речки Ямницы, что впадала по правую руку в полноводную Полометь, и оставалось совсем уже недалеко до дома.

– Передний дозор вперёд к усадьбе! Пусть готовятся к встречи там! И передайте, что у нас трое серьёзно раненых, нужна будет срочная обработка и уход.

– Пошли! – скомандовал резко Сотник. И вверх по реке устремились три всадника во главе с другом, берендеем Азатом.

Сотня подходила к дому.

Вот впереди уже показался поворот, а за ним высокий обрыв. И сани вкатились на огромную ровную поляну усадьбы, что располагалась между двумя лесными речками Дубницей да Ямницей. На ней виднелся ряд строений, юрт и большая изба, что с лёгкой руки самого Андрея все быстро начали называть ее ранее тут незнакомым словом штаб. Коротко и солидно, особенно для посвещённых.

Перед избой уже высыпало всё оставшееся в усадьбе население. Временный комендант и «мастер – самострельщик», дед Кузьма, а так же освобождённый от похода по причине ранения, гончар Осип, лекаря Агафья, главная повариха усадьбы Миронья. Стояли группкой малолетние внуки Кузмы Лада с Ваняткой и ещё несколько мужиков да баб с детьми, что были совсем только недавно отбиты сотней у злодеев разбойников, и проходили теперь лечение да восстанавливались в поместье.

У всех встречающих были счастливые и восторженные лица. Ещё бы! Вернулись с боевого похода их, ставшие такими близкими и дорогими друзья и товарищи. Оттуда, где летает оперённая смерть, и свистят острые клинки, рассекая тела. И вернулись они с победой, а самое-то главное, живыми!

– Сотня, становись!

И затопали твёрдыми кожаными подошвами подбитые сапоги да онучи по двору, замер ровный строй в едином дыхании, «поедая глазами командира». Только трое раненых лежали на снях, приподнявшись, да смотрели во все глаза со стороны с такими же серьёзными и торжественными лицами, как и их стоящие сейчас в строю боевые товарищи.

Сотник развернулся и окинул взором свою рать. На правом фланге стояли два десятка ветеранов под командой седоусых друзей десятников Климента и Филата.

За ними звено пластунов, лесовиков-разведчиков с потемневшими от постоянного пребывания в снегах, на ветру и на лютой стуже лицами, под командованием этого вечного «скрипуна» и ворчуна – следопыта Варуна. За ними возмужавший в походах двенадцатилетний сын Сотника Митяй со своим сверстником берендеем Мараткой, ладейный старшина Ивор, да brave боевые девки, шестнадцатилетние двойняшки Катеринка и Лизавета. Не хватало ещё тут в строю тех, кто получил ранения в схватке с ватагой Чудина – крепыша Вторака, что лежал сейчас на сене саней с пробитым бедром, да двух ратников ветеранов Петра и Семёна, которые получили их, отбивая натиск разбойников Мечника в том их последнем и отчаянном предсмертном натиске.

– Сотня, равняйся! Смирно! Благодарю Вас за Вашу доблесть и отвагу, проявленную в бою с превосходящим нас силами врагом!

Сотня замерла и, набрав в грудь воздух, проревела трижды слаженно:

– Ура! Ура! Ура!

– Шестьдесят три злодея больше не поднимут свой топор на добрых людей. Не сожгут их дома и не утащат в свой стан их жён да детей на погибель, и не отнимут имущество у купцов вместе с их жизнями!

– Перед этим вы разгромили ещё две ватаги и уничтожили их злодеев -приспешников, очистив от всей этой нечисти всю окружающую нас местность – нашу Деревскую пятину Батюшки Великого Новгорода! Честь вам и почёт, доблестные воины!

– А сейчас, братцы, для всех вас долгий отдых и крепкое лечение от ран для наших раненых. Все большие дела и ратное учение продолжим уже после того, когда все вы отдохнете, как следует и восстановитесь.

– Сотня, разойдись! – и строй рассыпался по двору.

– Ну что, Агафья, не страшные раны? – спросил Андрей после осмотра последнего пораненного, пожилого уже дядьки Лавра, что и так-то пошёл на осмотр только что из-за самого грозного приказа Сотника.

– Командир! Да стрела, то только чуть чиркнула по плечу, даже кольчугу же, как следует, не пробила! Так ведь, только кончиком жала кровь мне пустила, и синяк на самом плече набил. Ну что, из-за каждого пореза, ой ли теперь к лекарше ходить!?! Я уже понимаю вон те трое с ранами, им и внимание и пригляд положен, а я-то что?

Андрей посмотрел на него спокойно и спросил:

– Вот ты, Лавр Буриславович, ходил ли в большой поход южнорусских князей на половцев, в том 1203 году с Романом Галицким, припомни?

– Ну а то, как же, конечно, Андрей Иванович, мы же с тобой как раз тогда десятниками были, ещё и спорили порой, чей же десяток у нас доблестней другого будет.

– Было такое, – усмехнулся Андрей. А помнишь ли Родислава из десятка Матвея Рыжего?

– Да как же его не помнить? – кивнул согласно Лавр – Первый весельчак и заводила как-никак в сотне то был, где пошутить над кем али поддеть кого надо, всегда то он тут как тут рядышком вечно оказывался.

– Ну вот, а конец ты его помнишь ли, Лавруш? – пытливо глядя в глаза своему старому боевому товарищу, вдруг тихо спросил Сотник.

– Так он ранен был «копчёными» в походе, командир, у одной сухой балки как помню, дело было, да потом вот и помер сердешный в пути обратно.

– Вот-вот, Буриславович, всё то ты верно говоришь, помер он. Ранен был стрелой половецкой в бедро Родька, от того много крови потерял да ослаб сильно. Хотя ранение, если подумать, не таким то уж и серьёзным было. Кость с жилами у него не задело, даже ходить мог и на коне скакал о первых двух дён. Стрела-то половецкая не осталась у него в ноге, а так, лишь срезала кус мяса и в коня уже дальше зашла. Да только грязи у него много в рану набилось, мы же считай, месяц уже тогда в походе были, все пропотели и запыхались там в конец. Вот и мучился всю седмицу Родька, весь огнём горел, знобило его и ногу как бревно разнесло потом от пропавшей, чёрной, гнилой крови. Так и помер у нас на руках боец, – вздохнув, вспоминал Андрей, – там же и прикопали его на седом кургане рядом с могилой древних степных воинов. Я тогда ещё в прикрытии нашего обоза с ранеными стоял и всё это сам своими глазами видел.

Половцы у нас на спине плотно висели, думали, уже и не выберемся вовсе. Да ладно сам Мстислав Удатный подоспел, повезло, выручил нас пресветлый князь. И скажу я тебе, Лавр Буриславович, что не только одного Родьку мы тогда от огневицы потеряли. Вот так же, с пару десятков бойцов точно от неё сторело да в чужую степную землю легло, – вздохнул он, опять замолчав.

– Да-а, –протянул Лавр. Дела-а однаако...

– Ну вот, а ты говоришь, цара-апина, ме-елочи. Лечись, друг! Куда я без тебя, старого битого волка?

Встал и вышел из лекарского закутка избы на свежий воздух улицы.

На дворе было шумно и весело. Как-никак вместе собралось целых два больших десятка бойцов и столько же гражданских толклось тут вместе с ними. Слышались крики, смех, топот копыт выводимых лошадей, чтобы те не застоялись. Всё слилось в одном шумном и весёлом гомоне.

Вот два седоусых дядьки ветерана вцепились друг другу в плечи и ходят кругом, норовя сорвать захват противника, и навязать ему свой ход поединка. Неожиданно один из них сделал два шага вправо, увлекая по кругу соперника, и когда тот, чуть-чуть потеряв равновесие, качнулся, сразу же резким ударом подсёк правую ногу под голень да резким толчком повалил его набок, условно добывая уже на земле ножом.

– Понял, Митяй, как нога должна подбой – подсечку то делать? – спросил снизу проигравший того светловолосого парнишку с розовым шрамом на лбу, что стоял молча рядом со своим приятелем бередейкой и внимательно наблюдавшим за схваткой.

– Ага, понял я, дядь Степан, – кивнул мальчишка утвердительно, – только и Маратка вон какой вёрткий, что не больно-то его ногой подсечёшь. Как вёрткий уж меж кувшинок крутится, тут и не подцепишься к нему.

– А вот это очень даже хорошо, Митрий, значит, на полном серьёзе вы с ним бороться будете. Знай, что чем сильнее противник, тем крепче навык у вас у обоих тогда разовьётся, – с серьёзным видом растолковывал прописные истины победитель недавней борьбы Олег, тот ветеран, что был с русой бородкой.

Пять дней уже прошло, как пришла сотня с похода. Все отмылись, отоспались и отъелись за время отдыха, и было видно, что уже самим бойцам начало порядком надоедать вот это затянувшееся безделье. Пора было уже приниматься за тренировки и ратный труд по боевому слаживанию в десятках. Да и по самой усадьбе дел хватало с избытком для всех.

Небольшие корректировки в планы Сотника, конечно же вносила весна, которая всё больше и больше начинала уже вступать в свои законные права. То здесь у конюшни снег просядет, то плетень вдруг обвалится под мокрой тяжестью сугроба. А с крыш вообще свисали длинные сосульки, которые приходилось постоянно сбивать. На санях ездить пока было можно, но с каждым днём раскисшее крошево снега делало это занятие всё сложнее и сложнее. Ещё неделя и вообще встанут все торговые пути на реках, только и останется ждать мая, когда с первыми ладейными караванами, да по большой воде ляжет сюда новый водный путь. И то ненадолго, всего то три-четыре седмицы, а там спадёт вода, обнажая перекаты и отмели Поломети, и вновь придётся переходить купцам на старый Селигеров путь, где полно трудоемких земных переволоков да речных переправ через многочисленные пороги.

Но всё это впереди, а сегодня по рыхлому подтаявшему речному пути пришёл в усадьбу последний зимний караван. И встречая его, вся усадьба собралась на большом речном обрыве, предупреждённая заранее конным дозором.

– Едут, едут уже!

И действительно, вдали из-за речного поворота выплывали пять саней, с пока ещё далёкими и неразличимыми отсюда в них фигурками.

Народ задвигался и загомонил, ну а как же, интересно ведь, кто там к ним пожаловал!

И вот, поднявшись с натугой по речному склону, въехали те сани на поляну перед самой усадьбой, и начали с них выходить степенные мужики, попадая прямо в объятия Сотника. Лука Тесло, Первак, Гудым и Ослопя, не просто ремесленники плотницкой артели, они те, что стали самыми близкими друзьями, советниками и приятелями для Сотника. А для Митяя, что со всех ног кинулся их обнимать, так были они и вовсе поворотными, ибо вместе они свою да чужую кровь проливали при недавнем осеннем переходе в Великий Новгород.

– Здорова, Лука Мефодьич! Вы каким ветром-то сюда так рано? Мы же вас раньше мая-то и не ждали совсем, – хлопал старшего плотницкой артели по плечу Андрей.

– Кхе, кхе. Так что валяться-то на печи, Андрей Иванович? И так все дела переделали уж дома, а эти-то два непролазных месяца так и вовсе дома тоска была бы сидеть. Вот и решили мы с ребятками пораньше, с самым последним санным обозом выйти, боялся уже и не поспеть вовсе, вон, как нынче-то солнышко припекает. Да и сам ты уже знаешь, в Крестцах товарищей раненых после боя мы оставили, за них же душа болит и мается, как они там, от нас вдали! – традиционно кхекал артельный.

– Да, а что за них переживать-то? – усмехнулся Сотник и протянул руку в сторону избы, откуда спешили, поддерживая с боков хромого Вторака, гончар Остап с ладейщиком Ивором. Вот они уже и сами к вам идут!

– Матушки Святые! – воскликнул Первак, разводя в изумлении руки, и сразу же бросился к своему брату близнецу, увлекая за собой и всю артель.

– Да-а, Андрей Иванович, тебе и Митяю моя артель теперь по гроб жизни обязана, вон ведь как ты сына смог обучить воинской науке. Если бы не он, как есть положили бы нас всех в том лесу, где банда Ворона орудовала. Да и раненым нашим он весьма искусно помощь оказал, – уважительно говорил Лука, сидя за богато накрытым столом, – А уж про Второчка так и вообще просто слов у меня нет. Если бы вы тех разбойников не извели под Крестцами, его бы да ремесленников Ивора и Остапа косточки давно бы лесное зверье по своим берлогам растащило. Должники мы твои теперь, не зря всё же душа сюда стремилась. Скорее бы уже за работу взяться, я же помню, какие у тебя огромные задумки по строительству. Вот и набрал с собой побольше хороших плотников со столярами, как ты мне сам говорил. Всего нас пятнадцать приехало для работ, с инструментом всяким и «приспособами». Даже и не знаю, хватит ли места теперь разместить всех, а то я смотрю, у тебя уже чуть ли не городок за эту зиму образовался, и воинов да баб с детишками вон сколько новых прибыло.

– То ли ещё будет, Мефодыч, то ли ещё будет... – задумчиво кивнул Сотник. Скоро десятки детей для обучения в школе начнут сюда прибывать, а там и воины для комплектования новой сотни и крестьяне с ремесленниками подтянутся. Так что, станет в усадьбе совсем тесно. Ну да всех как-нибудь уж разместим, никто на улице в любом случае не останется. Вон, уже пять юрт стоят походных и ещё три готовы к установке. Мы всех их с отбитой добычей взяли у разбойников, так что за размещение своей артели ты не переживай. Лишь бы вы не подвели с таким громадем работы. Как-никак три казармы двухэтажные под школу и сотни ставить. Ремесленных мастерских, ещё три здания. Да конюшни, амбары, бани и прочие хозяйственные постройки тоже нужны. Это сколько же всего надо! А изб, сколько нужно ставить на самой усадьбе, и в ближайших от неё росчищах, да на дальних вырубках к тому же, где семейные крестьяне будут жить. У меня вон, уже голова кругом идёт! А ну как не справитесь с таким то объёмом работ?!

Лука задумчиво почесал затылок, вздохнул и сказал спокойно:

– Работа, Андрей Иванович, конечно, огромная. Считаю, что новый городок предстоит тут возводить, а ещё ты про оборонную стену крепости упомянуть забыл. Только она, сколько сил, времени и материала на своё возведение потребует. Ну да я вот думаю, что всё-таки со всем этим мы должны справиться. Платишь ты за работу сполна и без скупости, сам же, как хозяин не склочный, да и условия работы тут очень хорошие. Опять же, трудиться всегда у тебя интересно мастерам. А на Руси работающего народа хватает, слава Богу, православные трудиться в удовольствие любят. Так что, гожих работников сюда найти, думаю, не сложно будет. Я же, пока дома на отдыхе был, грамотки своим артельщикам в Торжок и Руссу отправил, чтобы они сюда, как только смогут, скорее прибыли и своих значит умелых земляков, сколько есть, всех, стало быть, захватывали. Так что, думаю, навалимся всем миром по весне, и к осени не узнаешь уже своё поместье, господин Сотник славной Обережной Сотни Батюшки Великого Новгорода.

– Слава то о вас широко раскатилась, многие вообще за честь почтут тут работать. Ещё и на ярмарках да вечёрнях долгих зимних будут хвалиться, и рассказывать, как у самого Обережного Сотника славно трудились. Так что, не беспокойся, а лучше скажи ка мне, что это у тебя за трава то такая интересная в коробах возле окошек стоит? – и заинтересованный Лука подошёл к одному деревянному ящику с рассадой, желая руками потрогать зелёные всходы.

Шлёп! Вдруг раздался звук удара тряпки, и немолодой старшина артели, таким бодрым козликом отскочил на середину избы. А рядом, грозно уперев руки в бока, стояла здоровенная тётка Фёкла, отбитая полтора месяца назад из разбойного стана Свири, стояла и шипела как разъярённая кошка:

– Куда руки свои тянешь, олух окаянный! Тебе что, хозяин разрешил эти всходы трогать, супостат ты неприкаянный?!

Андрей наклонился к столу и уже просто не в силах с собой совладать от такой вот живой картины, давился от хохота, только глядя на весьма сконфуженного Луку.

– Прости меня, Лука Мефодьевич сердечно, смилостивься друг. Забыл я тебя предупредить заранее, что смертельно опасно приближаться к этим ящичкам у окошек. И сам-то вон бочком только хожу рядом, с боязною великой, да с оглядками, уж больно грозная охрана возле них дённо и ночью службу несёт. Страшусь сам, как бы и меня тут не прибили бы ненароком, не разобрав, да ошибочно – и снова расхохотался, не удержавшись.

– Ну, вы и скажете тоже, Андрей Иванович – покраснела всегда бойкая Фёкла, – Вам-то можно трогать всё, что вам надобно. Это вот этого упыря худого пушать близко я не буду, пусть даже не надеется, злодей, ещё нечаянно сделает чего-то тут негодного, и завянет тогда вся наша драгоценность.

Лука обошёл большим кругом грозного часового и снова сел за стол.

– Да-а, дела, Иванович, тут уже и шаг то сделать страшно, не то, что потрогать чего, – и, взглянув пристально на Фёклу, причмокнул, – Это тебе хорошо, вон разрешают трогать всё, что только надо.

Сотник усмехнулся:

– Ну, это она образно, Лука, образно.

И они вместе уже рассмеялись, как только что нашкодившие мальчишки.

– Это, Лука Мефодьевич, те детки растений, что будут потом высаживаться в ваш парник, который вы давеча на южной стороне, по осени сладили. А потом уже и по всему огороду, как только тепло накрепко встанет из него наружу рассадятся. Семена же и всходы этих растений воистину для нас драгоценные, потому как из них со временем вырастет всё то, что будет кормить многих добрых людей, спасая их от голодной и лютой смерти. От того-то, понимая всю важность, и несут службу справно в охране вот такие вот грозные часовые. Чтобы ненароком их никому повредить, а Ваську кота так и вообще в юрту ко мне выселили от греха подальше.

– Кстати, ты же бобыль, как я знаю? – шепотом продолжил Сотник, – Ну, так и приглядишься к женщине. Так-то добрая она, работающая и вдовая, может и чего сладится у вас, а? – и подмигнул покрасневшему старшине.

– Ага! Уж больно грозная она, вон как службу то несёт, не подступишься... – и мужчины перевели тему разговора в другое русло.

Глава 3. Весна в хлопотах.

Апрельская весна всю хозяйничала в Андреевском поместье. Только недавно сошёл лёд с Ямницы, и разросшаяся река шумно гнала свою мутную воду с ветками и мусором к устью. Кое-где на поляне и вырубках ещё виднелись полосы снега, но уже было понятно, что неделя, другая, всё стает, и подсохнет под жарким солнцем кормилица земля, давая жизнь дружным зелёным всходам. В небе ещё тянулись последние караваны птиц, возвращавшихся

из долгой зимовки, а с ближайших озёр, прудиков и болот уже доносилось кряканье, чивиканье и гогот всех тех, кто спешил завести семью и дать жизнь своему новому пернатому потомству.

С ближайшей же вырубki раздавались крики и щёлканье самострела. Там шла при-стрелка тех двух речных арбалетов, что уже успел сладить мастер Кузьма в своём закутке избы у «оружейки». Возле огневого рубежа стоял сам Сотник и наблюдал в бинокль, как входят в мишень арбалетные болты за сто метров (140 шагов) от стрелка.

На рубеже ведения огня рядом с Сотником стоял сам мастер и что-то там подкручивал да настраивал блестящими хитрыми инструментами в своём творении, самом совершенном на тот момент личном стрелковом оружии, а именно в мощном ручном, речном самостреле.

– Ну-ка, давай, Митяй, по центру бей тремя болтами. Только в валик ложе упри, поплотней, и спуск на паузе вдоха и выдоха делать не забудь, – отдал команду отец.

Раздался щелчок, и Андрей кивнул одобрительно:

– Во-от, теперь в самый центр болт впел, давай ка ещё двумя туда же повтори для стабильности боя, и будем считать, что оба самострела мы пристреляли.

– Ну что, Кузьмич, глубоко в брус болт входит? – показывал мастеру глубину пробоя Андрей.

– Да, Иванович, больше ладони, однако дыра будет, почесал лоб мастер, а по твоей метричной да через десяток системе измерения, так и вообще, на все девять санти-иметров в дерево вошёл, – показывал он спицу, вынимая её из свежего отверстия в бресе.

– А давай-ка похулиганим немного, – предложил Сотник, устанавливая к мишени прочный щит дружинного пешца, а за ним ещё и лёгкий металлический шлем всадника приладил по центру.

Резкий звон с рубежа мишеней известил, что болт попал туда, куда надо и, когда зрители отодвинули щит, их взору открылась удивительная и занятая картина.

Мало того, что бронебойный болт пробил насквозь сам щит и шлем, так он и в сосновый брус даже сумел зайти на пару сантиметров.

Удивительной силы оружие был этот раеечник-самострел! Настоящая гроза для защищённого бронёй средневекового воина. И это именно в их усадьбе новгородский мастер Кузьма смог осмыслить, понять принцип его работы, и даже смог смастерить и довести до ума пару своих изделий. Осталось только найти прилежных подмастерьев, отстроить хорошие мастерские с набором инструментов да найти хороший материал для изготовления механизма и плечей/дуг арбалетов, и тогда можно уже будет освоить выпуск изделий для своей стремительно растущей дружины.

Вокруг усадьбы кипела работа. Большая часть артельных обтёсывали брёвна, укладывая их по размерам в большие пачки. Несколько плотников занимались изготовлением досок. Сначала с помощью клина толстое бревно раскалывалось пополам, а затем каждая половинка ствола расщеплялась на дольки, и каждая из них потом обтёсывалась топором, скобелем и ещё сглаживалась рубанком, только вот после этого и получалась сама доска. Очень трудоёмкая и тяжёлая работа согласитесь. Это вам не пилорама нового времени, здесь всё больше ручками или горбом, своим или соседским, без разницы. Хотя соседским, конечно же, всё-таки предпочтительнее будет.

У воинской дружины был свой тяжкий труд – крепить ратное умение, проливая обильно пот, дабы сохранить в будущем свою кровь и кровь своего боевого товарища. И «обережные» десятки, коих с приходом отдельных дружинников и даже групп в последние пару месяцев набралось уже полных три, отрабатывали свои боевые задачи с превеликим усердием.

В это самое время первый десяток Филата с крепостным звеном Онисима из небольшого, наскоро собранного учебного острога, отбивал приступ двух других десятков Тимофея

и Степана. Работа здесь шла на совесть, только были слышны стук учебных мечей да копий по щитам и возгласы бойцов, подбадривающих друг друга.

Пока основная масса защитников крепости увязла в позиционном бою на её северной и западной стороне, старательно сбрасывая приставные лестницы и шесты штурмующих. К ним с юга стремительно, на конях подлетело Степное звено Азата, свистнули волосяные арканы и вот наверх острога стремительно взлетели четыре всадника, сыновья звеньевого, Ринат с Маратом, их родич Мугатар, да сын Сотника Митяй, временно до школы приписанный к степным воинам. Минута, и был повержен единственный дежурный защитник южной стены, а звено, уже разбившись на пары, ударило дружно в тыл основной обороне, синхронно работая при этом саблями, и прикрывая друг друга щитами.

– Всё-всё, стоп! – раздался крик со свистом заместителя Сотника Климента, – Плохо, Филат! Десяти минут даже не продержались твои бойцы в последней осаде!словно бабы на плетне повисли, что к соседке в огород полезли да и застряли там! Эдак вам вообще в школу к детям придётся пойти. Вот уже совсем скоро сюда придут сопляки, вот и будете с ними в одной связке работать. А что? Седой да малой, вот же будет красота! – и засмеялся вместе со всеми, кто только был рядом из победившей в учебном бою стороны.

Филатские слазили и что-то угрюмо бурчали себе под нос. Обидно было вот так вот просто опростоволоситься бывалым и седым воинам, словно каким-то детинцам мечом не опоясанным. И Филат, чтобы хоть как-то снять свою досаду, озвучил общую мысль всех своих соратников: «Не в жизнь, Климент Петрович, не взяли бы нас в осаде! Кто же знать наперед-то мог, что эти степные с тыла ударят, пока мы вот тут со всеми бой ведём?!»

– А вот это он зря сказал, – усмехнулся Азат, сворачивая особой скруткой свой волосяной аркан.

И точно, над поляной понеслись такие обидные и громкие эпитеты, из которых всем слышавшим стало вдруг предельно ясно, что десяток недоношенных головастика из дальнего волчьего болота только и годен на то, чтобы с пиявками там «шуры-муры» водить, да улиток ублажать втайне от тех же самых пиявок. А как воины они и вовсе-то негодные, а надобно ещё, пожалуй, посоветовать Сотнику, дабы перевести всех этих дармоедов в помощь на кухню. Да вон, хоть в прислугу к Родькиной жене, главной кухарке усадьбы, Миронье например. Да ведь и оттуда, похоже, их грязной тряпкой погонят в зашей, не уживутся ведь, и там умение нужно. Так и останется их определять в помощь старшине Лавру, чтобы опять же было кому нужники чистить. В общем, лучше бы Филат промолчал, да не накалял страсти, и было видно, что эта здравая мысль уже давно витала в головах всего понурого и охаянного десятка.

– Это ещё звено разведки Варуна в дело не включилось! Незачем было с такими-то горевояками! – добил в самом конце Клим, и поменявшиеся десятки снова начали готовиться продолжить свою ратную учёбу. Только теперь сверху занимал оборону уже десяток Тимофея, прекрасно понимая, что теперь легко ему не будет, и раздосадованные поражением товарищи сделают всё, чтобы снять с себя готовую вот вот налипнуть кличку «головастика». В мужском кругу такие обидные прозвища пристают очень быстро, и каждый из присутствующий это знал прекрасно.

Чуть поодаль от учебного острога шла боевая учёба звена разведки. Отрабатывались приёмы снятия сторожей и дозора. Роль сторожа была за Севой, к нему же пытались незаметно подобраться бывший промысловик-охотник Родька и карел Мартын, а за всем приглядывал со стороны начальник разведки, суровый и вредный ветеран Варун. И всё вроде бы получалось у разведчиков, ни раскисший снег не скрипнул под тяжестью серых балахонов, ни веточка подлеска не колыхнулась, выдавая, вообще никакого движения не было вокруг. Вот-вот уже взметнуться над землёй две фигуры, подминая под собой незадачливого караульного, и затолкают в его мычащий рот тряпку. Но в последний миг раздался пронзительный свист, взметнулась над головой сторожа сабля и пошла, выводить невидимые глазу узоры в весеннем воздухе.

– Стоп все! Вы ещё на булат там киньтесь со своими-то кинжалами, горячие лесные парни! – осадил своих пластунов звеньевой разведки Варун.

– Плохо крадётесь, лесовики! А ведь ещё из промысловиков будете, как вы зверю-то глаза отводили, когда вон простого рязанского мужика обмануть даже не смогли?

И успокоил задохнувшегося от возмущения Саватея:

– Тихо-тихо, Сава, пошутил я! Рязанского дряхлого дружинника из дырявой рязанской сотни обмануть не смогли. И опять съязвив, поднял успокаивающе руки, – Извиняй, Саватей, ну не лесные вы бойцы там были! Вам, в вашей Рязани, всё бы с булгарами да мордвой иль черемисами ратиться! И откуда, только ты сам такой-то вот гожий в этом деле там выискался, никак не пойму...

– Давайте меняйтесь теперь. Сейчас Родька на стороже встанет, глаза закроет и будет пять раз по сто медленно-медленно считать, а вы попробуйте, как ласка к нему неслышно прокрасться. Поглядим...

Глава 4. Управляющий.

У избы-штаба Сотника встречал пожилой кряжистый дружинник с длинными свисающими седыми усами и косматыми бровями на скуластом, словно резном лице. Старшина сотни Лавр Буриславович собственной персоной решительным шагом подошёл к командиру и сразу же ворчливо продолжил, какой-то разговор, видно уже ранее начатый, да не законченный в своё время.

– Вот я и говорю, Андрей Иванович, крупы осталось дней на десять, мясо так вообще к концу уже подходит, муки, ладно, ещё на месяц хватит, но никак не более того. Овощей совсем мало, одна репа, да и только на пару седмиц. Рыба и специи у нас закончились, а соли полпуда в бочке. Что есть-то будем скоро, командир? А коли дети придут с первыми водными каравами, их-то чем тогда кормить будем? А ещё для носки ни обуви, ни одежды нет никакой вовсе. И вообще, Иванович, я понимаю, что для сотни старшина нужен. Но вот если поместье расстроиться с сотней и самой школой, да ремесленная слободка со всеми её запросами и хуторами крестьянскими, так я просто не справлюсь с таким то валом работы по учёту и контролю всего. У меня уже сейчас голова пухнет, и сна давно нету, издёргался весь уже! Нужен тебе, Сотник, грамотный и честный управляющий, иначе всё твоё хозяйство, как есть развалится! Да и времени на ратное дело у тебя совсем не останется, только и будешь сам ходить по усадьбе и всё считать да учитывать, а я вот сам уже не могу совладать с таким морем цифири и всех этих мудрёных названий.

Андрей посмотрел грустно на Буриславовича и кивнул согласно:

– Да, всё верно ты говоришь, Лавруш, ну где же такого взять то мне, чтобы грамоте был обучен, и честный был, свой до донышка, да к тому же проверку уже прошедший?

Старшина посмотрел внимательно в глаза командиру и тихо со значением проговорил:

– А ты присмотришь к Парфёну, Иванович, он ведь из новгородских купцов-суконщиков будет, грамоту и счёт ведает отменно, я тут сам убедился в том, когда намеренно попросил его помочь с учётом остатков продуктов. Вон три грамотки, да за полчаса мне набросал, – и протянул свитки Сотнику.

Тот быстро их просмотрел и понял, что действительно в усадьбе есть грамотный человек, хорошо разбирающийся в математических действиях и грамматике, а главное – аккуратист изрядный. Настолько всё было чётко и верно изложено да разнесено по видам и количеству учёта, «как по полочкам», да ещё с общим суточным потреблением и рационом, а также выходу по порциям на среднего взрослого человека или ребёнка, да вообще-вообще на всё население усадьбы.

– Да-а! – протянул Сотник, – Нужно срочно брать!

– Ну вот, и я о том же – облегчённо вздохнул старшина.

Парфён сидел в избе на лавочке и молот на ручной мельнице пшеничную крупу для вечерней каши. Попал он в усадьбу из разбойничьего стана злодея Свири Кривого вместе со всем остальным отбитым там полоном. В том полоне и мужиков хватало, но особенно там было много баб и девок из тех, кого злодеи захватывали в ближайших землях новгородской Деревской пятины или в избиваемых ими торговых караванах. Использовали разбойники своих пленников для всех тяжёлых и грязных работ, при этом нещадно их истязая и не сколько не заботясь об одежде и пропитании. Долго, как правило, страдальцы не выдерживали, умирая от мук голода и побоев, а на их место тут же набирали новую партию жертв. Так и работал годами этот страшный конвейер, пополняя телами умученных пленников ближайший к логову овраг.

Но вот пришла Обережная сотня, уничтожила злодеев и освободила всех тех, кому только посчастливилось выжить. Одним из этих счастливиц как раз то и был Парфён, в прошлом успешный себе новгородский купец-суконщик, весельчак, песенник, балагур и просто красивый и статный мужчина. Теперь же это была только тень бывшего. В торговом караване купца, что был уничтожен разбойниками, погибла вся его семья, что возвращалась с ним в Новгород из Владимира. Ещё там погибло всё его дело со всем товаром и со всеми его людьми. Но самое главное, погибло все то, что держит человека в этом мире. Погиб сам смысл жизни и его существования. Вот и оправившийся от голода и истязаний Парфён уже не был тем былым весельчаком да заводилой, как прежде. А был он спокоен, тих и задумчив. Делал всё аккуратно, прилежно да с тщанием, но так...без огонька, замкнувшись в себе. И весь вид его говорил: «Коли нужно, так и ладно, сделаю всё то, что скажите», а после сидел, прислонившись к печи, и что-то всё вспоминал да опять думал о своём.

Андрей зашёл в избу, окинул её взглядом, приметив чистоту и порядок. Посмотрел на хозяек, что замешивали в кухонном закутке кислое тесто, разминая и тиская его своими крепкими закатанными по локоть руками, и проговорил тихо:

– Бабоньки, извините, мне нужно поговорить с Парфёном Васильевичем. Сказано это было очень спокойно и вроде как с просительной вежливой интонацией, но и двух минут не прошло, как вся орава женщин с детьми, что только что там находилась, пулей вылетела за дверь, не забыв ещё вытащить из своей «оружейки» мастера Кузьму, да при этом плотно закрыла входные двери.

Авторитет у Сотника в поместье был непререкаемый!

– Присаживайся, Парфён, присаживайся, – попросил Сотник вскочившего мужчину, – Если ты не против, я тоже рядышком с тобой присяду и спину погрею. Эх! Хороша печка! Нравится? – и посмотрел на бывшего купца.

Парфён снова попробовал вскочить, но был вежливо придержан на месте рукою Сотника.

– Царская печка, Хозяин, удивительная просто. Не в жизнь такого чуда не доводилось мне видеть, везде ведь очагами у нас топят, а дымы в волоковые оконца да верхние продухи выводят. От того-то и дымно всё время в избах наших, да и так вот как здесь спину уже не погреешь, – тихо сказал, улыбнувшись, собеседник.

– Да-а...–протянул Сотник, – Эту печь ладил иноземный мастер-печник Аристарх. В ней много секретов скрыто в виде тепловых камер и всё тех же поддувов да всяких там хитрых продушин. А самое главное, ты прав, тепло и уютно человеку жить в избе с такой чудо-печью, да и готовить в ней пищу очень даже удобно и приятно будет. Ещё второй вопрос у меня к тебе, Васильевич, будет, – и посмотрел прямо в удивлённые глаза своего собеседника, отвыкшего уже и от обращения то к себе по отчеству, – Много ли на Руси сирот да беспризорных детишек ты видел?

– Да порядком всегда их, иной раз вон сердце кровью обливается, глядя, как побираются они на паперти у церквей, все обмороженные да в струпьях иль язвах. А сколько их по домам ходит, корочку хлеба выпрашивая, и любую работу предлагают сделать, только бы накормили

бедолаг! У нас ведь, что не год, то недород или мор, да пожар какой, я уже про набеги врага или вот этих же разбойников не говорю, – и его глаза блеснули огнём. Не каждый родич готов приветить сироту, ибо и своих-то «семеро по лавкам» и прокормить их порой нет уж никаких сил. Вот и ходят малыши да мучаются, пока не упокоятся бедные, – и, тяжело вздохнув, неожиданно для себя выговорившись, перекрестился на образа «в чистом углу».

– И третий вопрос у меня к тебе будет, – твёрдо произнёс, глядя в упор на Парфёна, Андрей, – Видел, я как глаза у тебя загорелись при упоминании о злодеях, а это говорит мне о том, что не затухла твоя душа, и горит в ней огонь, требуя справедливости и возмездия всякому злу. В этом случае буду я говорить, с тобой прямо и открыто. У Руси есть множество врагов, которых даже, и называть-то замучаешься, но я всё же их перечислю.

Итак, враги внутренние, что как клещи сосут кровь людскую, это всевозможные злодеи, разбойники, воры и лихоимцы. Враги внешние, что льют её как водицу, разоряя своими набегами или нашествиями, это племена половцев, литвин, еми, да много ещё кого. Вырезают под основание людей наших немецкие рыцари орденов Меченосцев и Тевтонского, да грабят и выжигают всё на северо-западе свеи. А впереди у нас ещё более страшный враг, поверь мне, монголы, что всю нашу землю хотят поработить, вырезая сам народ под корень. И вот для всей этой вот своры кровавых завоевателей, врагов нашей матери святой Руси вот именно в этом самом месте, где мы с тобой сейчас находимся, Васильевич, начинает выковываться меч. Он, конечно, пока ещё не готовое к бою смертельное оружие, а только его начальная поковка, что разогревается ныне в горне. Но пройдут годы! Выучатся в ратной школе отроков наши будущие железные сотни, возьмут они в свои руки самое совершенное в этом мире оружие и пройдут тем мечом, выкованные в нашей усадьбе-кузне, да ещё и прошедшие через огненную закалку войны. Вот тогда, когда будет у нас свой меч, из лучшей русской булатной стали, разнесёт он непобедимыми русскими ратями в пух и прах любого страшного врага Отчизны! И не страшно будет больше жить в ней простому люду!

– Веришь мне, что так будет, Парфён Васильевич?

И не смел отвести глаза бывший пленник и купец от такого пронизывающего насквозь, пристального взгляда стальных глаз Сотника.

– Верю, хозяин... – только и смогли прошептать его губы.

– И я верю! Но только запомни, что для каждого меча всегда должны быть отменные ножны. Иначе ржой покроется то совершенное оружие, затупится затем, а и вовсе сломается. И не будет уже того булатного меча, что отсечёт головы всем своим врагам. Нет у меня, друг, пока таких ножен. Я знаю, как воевать и как готовить отменных воинов. Я могу стрелу послать из своего степного лука на три сотни шагов и ещё попасть ими в цель. Я готов выйти биться на мечах и саблях один против десятерых врагов. Но не могу я такое хозяйство вести, где требуется кропотливый ежедневный контроль и учёт за всем тем, что в поместье находится и делается. Как мне всем своим ратным делом заниматься, когда голова только о сортах пшеницы да парах онучей и рваных сапог болит?! Поставил я по хозяйству старшину сотни Лавра Буриславовича. Но ведь и он, какой бы там не был хваткий и умелый, а все же по сути, больше воин со всеми своими особыми знаниями и умениями, ну никакой он не чистый хозяйственник, как положено на то управляющему.

– Трудно мне, Парфён, без надёжного помощника, – и замолчал, глядя в пол.

В избе надолго повисла пауза. Парфён сидел, задумавшись, тихонько вздыхая, и молчал смущённо.

– Дело-то какое ответственное, хозяин!

Сотник взглянул на него и усмехнулся:

– А то! Только настоящим, проникнутым пониманием важности такое дело по плечу! Справишься, Васильевич, будешь мне верным помощником?! Станешь лучшими ножнами для

нашего будущего булатного меча, что мы с тобой здесь вместе выкуем?! – и задорно глядя, подмигнул.

Парфён махнул рукой, рассмеялся искренне и от души, словно скидывая камень с души, вот так в первый раз за всё-то время, что был в усадьбе. И ответил с горящими глазами:

– А буду, хозяин! Я за тобой в огонь и в воду пойду, ты же мне жизнь спас от смерти лютой, покарав злодеев, и дело за тобой, как я вижу, честное и светлое. В лепёшку расшибусь, а слажу лучшие ножны, что только есть во всём нашем мире!

– Вот и ладно, Васильевич, принимается! Но только с одним условием, негоже тебе меня хозяином звать, коли ты моим первым помощником будешь, и в своём лице всю важную тыловую, хозяйственную, то бишь службу представлять будешь. Зови ты меня Андреем Ивановичем, и только так отныне! Очень тебя Христом Богом прошу. И в лепёшку расшибаться не спеши, ты мне целый и здоровый здесь нужен, чтобы энергией и задором бил через край, до каждой самой мелочи доходя. По рукам?!

И двое потрёпанных жизнью мужчин крепко их стиснули, заключив свой искренний, честный союз.

– С Лавром Буриславовичем мы уже переговорили, и он сам тебя посоветовал как грамотного и честного управляющего. Я полагаю, что общий язык и понимание вы с ним всегда найдёте, так что ты седмицу пока с ним походи, приглядишься ко всему, а там я уже тебя всем представлю как управляющего нашего поместья по хозяйству и моего заместителя по не военной, людской так сказать части.

– Может, какие-то вопросы у тебя есть, помощник, дела незавершённые в Новгороде или...кхм...извини, семейные вопросы остались?

Парфён опустил глаза и вздохнул:

– Да, есть у меня два дела, Андрей Иванович, что душу мне тяготят. Это предать земле, по-человечески, останки семьи и того торгового каравана, что под озером Ямным истерзаны были. Крест там поставить хочу, и помолиться за невинно убиенные души на их могиле. И второе дело меня тяготит, даже и не знаю, как сказать то, но и держать его в себе не могу. Это долг мой купеческий рядный, под тот товар, что я вёз к сбыту на торг. Не могу я у тебя легко служить, Андрей Иванович, зная, что висит на мне незавершённое обязательство, ведь не тать я и никогда им быть не могу.

– Хм...однако, – промолвил Сотник, – То достойно с твоей стороны, Васильевич, что перетерпев зло такое ты в первую очередь о своём честном имени печёшься и не ссылаешься на страшную долю, что выпала тебе. Как велик твой долг перед заимодавцем, и кто он такой, мне поведай, друг?

– Один из старшин купцов-суконщиков Жидислав, у которого три лавки свои на торгу в Великом Новгороде стоят.

Сотник нахмурился и пристально посмотрел на Парфёна:

– А по отчеству твой Жидислав не Супея ли сыном будет?

– Точно так, – ответил ему бывший купец, – Ты его знаешь, Иванович? Андрей нахмурился и откинулся назад, что-то обдумывая про себя.

– Нет, друг, лично я с ним не знаком. Но как видно, по всему, все же придётся. Есть у меня некоторые вопросы к этому купцу, пока что личного характера, может, со временем, и тебе я о них поведаю. Пока же не проси и, увидев, как кивнул согласно Парфён, продолжил. А, каков твой долг, и как вы с ним срядились, подскажи?

– Да как обычно, Андрей Иванович, Жидислав ссудил мне 30 гривен под товар отличного качества сукна фламандских мастеров, что следовало отвезти для розничной торговли во Владимир и забрать там, на ту же сумму, шёлковых тканей. На обратном же пути я должен был присоединиться со своей семьёй к тому каравану, что шёл с восточными тканями из далёкого магометанского юга. Двадцатью гривнами в случае непредвиденных обстоятельств мой заём

покрывался всем моим имуществом—лавочкой на новгородском торгу да усадбкой в Словенском конце Новгорода. Стало быть, десять гривен долга осталось за мной после того разбоя лютого, что погубил весь наш торговый караван со всеми его людьми.

– Скажи мне, Парфён Васильевич, – продолжал беседу Сотник, – А был ли кто-нибудь с тобой от твоего купца-товарища в том самом несчастном походе?

– Да, конечно, Супеич со мной своего приказчика в помощь послал, Душана с его ближними помощниками Забродом и Лудом.

– Так-так-так, – проговорил, задумавшись, Сотник, – И вы всю дорогу вместе ехали он самого Великого Новгорода до Владимира и обратно? – и взглянул остро.

– Да нет, Иванович, не всю, прав ты. Сейчас вспоминаю, что после Яжелбиц, уже на обратном нашем пути, Душан мне сказал, что нужно ему со своими людьми срочно выехать верхом в Новгород по такому делу, которое не требует никаких отлагательств.

– И что, вот так резко взял ни с того, ни с сего и сказал? А с чего он вообще это взял-то?

– Так он сказал, что для него весточку его хозяин передал через хозяина постоянного двора Жмудина из этих самых Яжелбиц.

– Так-так-так, – опять проговорил сотник, – Становится всё интереснее и интереснее.

– Андрей Иванович! Ты никак подозреваешь, в чём нехорошем Жидислава? Так брось, не мог он ничего замыслить худого, пять лет мы с ним вместе дела делали, хоть бы на векшу меня обманул когда, да и хозяин дорожного подворья сам, как я помню, приказчику грамотку отдавал при мне же.

– Ладно, ладно Васильич, успокойся, я же просто с тобой беседую. Извини, что заставил вспомнить горькое. Давай-ка ты иди уже к старшине, а по поводу того долга в десять гривен, что были не покрыты твоим имуществом, не волнуйся.

– Я его на себя беру, и уже сам с Жидославом за тебя рассчитаюсь в скорости. А ты иди уже да скажи там бабанькам, пусть в избу заходят, а то у них там тесто вот-вот поди с опарницы убежит.

И когда тот вышел, сидел и долго думал под негромкий разговор хозяек на кухне да стук скалок, раскатывающих кругляши теста под будущий пирог с рыбой.

По всему выходило, что честного купца Парфёна подставил злодей купец Жидислав. Завладев его товаром на тридцать гривен, да ещё и захватив всё имущество, более чем на двадцать, при всём этом и долг оставил на заведомо умученном человеке в десять гривен. И ведь знал подлец, что с ним вся семья возвращаться будет, жена с тремя малыми детками. Это, каким же надо извергом то быть! Ведь всё спланировал отменно. И людей своих в торговый поход приставил, и с хозяином подворья Яжелбиц Жмудином да атаманом разбойников столковался. Одного только он предусмотреть не смог, что выживет тот добрый купец Парфён, всем своим смертям назло, а атаман Свирия Кривой уже перед тем, как уйти за кромку, напрудив под себя от страшных предчувствий, сам поведает Андрею и разведчику Варуну о всех своих связях с тем коварным купцом суконщиком.

Зло не должно оставаться ненаказанным, и со всем этим нужно было что-то делать. И прежде всего, стоило посоветоваться с многоопытным Варуном.

Глава 5. Планы Сотника и Варуна.

Звон била известил всех находящихся в усадьбе, что подходит время обеда. Плотники и столяры откладывали в сторону свои топоры и рубанки, дружинные десятки убирали учебные мечи и копья в специальные стойки, а степное звено торопилось почистить и покормить своих лошадей. Следовало поскорее всё прибрать порядком, чтобы затем спокойно умыться и приступить к трапезе за большим общим столом. Накрывали его хозяйки большими холщовыми скатертями и заставляли снedyю, что готовилась тут же, напротив, в общей штабной избе. Сегодня на обед в больших глиняных горшках была традиционная каша из дроблёной

пшеницы, заправленная топлёным маслом, а также уха из свежеспойманной речной рыбы. Ну и каждому досталось по хорошему кусу варёного мяса от только недавно забитого бычка. Из овощей были только пареная репа да лук, так как сказывался уже весенний недостаток с продуктами. Подвоза-то уже не было, а то старое, что было взято с добычей в разбойных станах, потихоньку подходило к концу, и нужно было ждать ещё пару, тройку седмиц до прибытия новых караванов по реке.

Пока что не голодали, ибо восполнить растрчиваемую тяжёлым трудом энергию, в усадьбе пока ещё было чем. Запив всё тёплым напитком из мёда, разведённого в кипячёной воде с пряными травами, все отправились на традиционный послеобеденный отдых. Русская сиеста не была такой долгой как во многих жарких странах, но час/полтора послеобеденного отдыха – это дело святое. Кто-то разошёлся по своим юртам, кто-то устроился на завалинке или на лавочках двора, подставляя лицо ласковому весеннему солнышку, а вот два известных «бокогрея» усадьбы дед Кузьма да Парфён всё норовили пристроиться к горячей печке избы. И даже грозная Фёкла давно уже смирилась с этой их вредной привычкой, и не ворчала сварливо как прежде.

– Как-никак начальство отдыхает!

Всё затихло в усадьбе, и даже непоседливые малыши, во главе с внуком Кузьмы Ваняткой, тихонько сидели у амбара и возились себе в насыпанном специально для них речном песочке.

– Варун, потолковать бы надо, – тихонько окликнул пристроившегося на скамье друга Сотник.

– Ну вот, никакого покоя мне нет! – традиционно начал ворчать себе под нос ветеран, тем не менее, скоро встав и следуя за командиром.

– Ладно, не бурчи, старый, успеешь ещё зимой в своей берлоге выспаться, – подначил Андрей командира разведчиков, и мужчины присели рядышком на дальней завалинке.

– У меня к тебе, собственно, два вопроса будет, Фотич, – начал беседу Сотник, – И первый вопрос, что мы будем делать с той информацией, тьфу, то есть, вернее, с той вестью, что получили от бывшего старосты Чудина в наш крайний выход?

Варун поскрёб голову и, взглянув на Сотника, усмехнулся.

– Видать, не только у меня голова за это болит, а я уж думал, что отпустил ты ту весточку на ветер, Иваныч.

– Да нет, не отпустил, как видишь, – задумался, вспоминая былое, Андрей.

Месяц назад, когда была уничтожена лютая ватага язычника Чудина, при допросе его пленённого старосты, тот, чтобы только вымолить себе лёгкую смерть рассказал тогда очень и очень много интересного, умеющему спрашивать Варуну.

Первая важная информация касалась подельников атамана, свивших своё гнездо в самом Великом Новгороде. Были там связи с теми, кто с охотой сбывал награбленное злодеями добро и с теми, кто давал ватаге весточку о наиболее лакомых торговых караванах, что выходили в путь, и даже о тех, кто всему этому покровительствовал и покрывал всё это свыше. Ниточки тянулись очень далеко вверх, и оборвать их всех разом было пока делом немыслимым, а вот ударить по прямым организаторам и исполнителям было вполне возможно. Но только для этого требовалась вся информация, чтобы подобраться как можно ближе и прихлопнуть одним махом всех пауков. Вот это и обсуждали в деталях Сотник и командир разведки/контрразведки Андреевского в одном лице.

– Но это будет, скорее, вторым вопросом, Фотич, – продолжил Андрей, – Сам понимаешь, «абы как» туда вверх не подобраться и придётся, похоже, опять просить помощи у нашего друга Путятты. Вот ни за что я не поверю, чтобы у купца первой Новгородской гильдии не было бы своей агентуры среди тех, кто приглядывает за порядком на торгу, да и вообще в городе. Ну

и знать о связке купцов Жидислава со Свирей и Остромира с Чудином что-нибудь, хоть самую малость, хотя бы даже в виде тех же слухов он должен. Как-никак купцы эти сильные, и влияние в своей среде имеют. И я не удивлюсь, мой друг, если они даже связаны меж собой как-нибудь в итоге окажутся, – продолжал развивать свою мысль Сотник, – Вот сам посмотри, один купец Жидислав занимается сукном да тканями, и разбойников Свири Кривого он наводил именно на такие караваны, что как раз именно такой товар и возили. А вот взять того же купца Остромира, что с Чудином Мечником был в сговоре, так вот тот всё больше по дорогому железу, булату и дамаску свой интерес имел. Ну и, соответственно, по тем изделиям, которые из этого самого железа и выходят, то есть по элитному оружию и броне, каким он же сам и торгует. А из всего этого я делаю вывод, что у них на лицо имеется какой-то тайный сговор между собой. Один из них занимается сукном, тканями и всем тем, что с этим связано, и при этом не перебегаёт дорогу купцу «металлисту». А коли попадёт к ним какой-нибудь конкурентный товар в руки, так, похоже, они своему товарищу его и передают для дальнейшего сбыта с последующим расчётом. Как говорится, «бизнес и ничего, кроме бизнеса», – и, увидев удивлённые глаза Варуна, поправился, – Я говорю, торг и ничего, кроме торга, всё ради барыша, ради чистой прибыли. А вот то, что при этом реки крови льются от этого самого организованного ими же злодейства, их, похоже, это совсем даже не смущает. «Людишек» то они как бы за мошек держат. Ну, прихлопнули их подельники десяток, другой! Подумаешь! Другие народятся, как вон те на соседнем болоте. Вот тебе и «чистая» прибыль...

Варун сидел молча и смотрел с уважением на командира:

– Вот башка у тебя, Иванович! Всё-то ты слова разные мудрёные, незнакомые знаешь и чудно так говоришь, а потом разъяснишь всё по-простому, и тут уж всё сразу понятным становится. Вроде и я совсем даже не дурак буду, и где-то около того мои мысли порою бродили, но вот так, чтобы вот всё воедино собрать, да потом опять разложить это всё отдельно по лавочкам... Не-ет, на то голова нужна! Стратегия энта! Во! И указал пальцем вверх, показывая всё свое уважение к командиру.

– Ну, ладно-ладно, перехвалишь меня, – хмыкнул Андрей, – Не весь ещё мы клубок-ребус с тобой, друг, разгадали, и не всех пауков по углам той паутины ещё даже просто разглядеть смогли. Самые жирные из них на потолке да в тени пока у нас остались, сидят там, жиреют и новые козни строят. Ну, да и до них, даст Бог, доберёмся и тогда уж поговорим серьёзно! А пока нам, возможно, отработать то, что мы там ещё интересного узнали от старосты Чудина, а именно весть о прибытии к выбитой ватаге ладейных разбойников по большой весенней воде. Давай-ка вспоминай дословно, что он тогда нам поведал?

И Варун начал по памяти цитировать все те сведения, что поступили к ним при допросе после боя около месяца назад.

– У Чудина Мечника есть, друг из скандинавов, дан Гарольд Волосатый, с кем они когда-то грабили ганзейских купцов на Варяжском (Балтийском море). Тот должен был, как купец на двух морских кноррах доставить свой железный товар на Новгородский торг купцу Остромиру. После этого, не теряя ни дня, он пересаживает свою команду на две речных ладьи, что к его прибытию будут уже готовы к походу и идёт вверх по реке Пола с проходом в Полометь. В Поломети, недалеко от устья с левого берега, есть вход в небольшую, но глубокую речушку Малиновку, где у ватаги разбойников в небольшом, но глубоком затоне прячется тайный приют их речного флота, или база как ты сам такое называешь. Так вот, и на базе той, в ладейных сараях, хоронясь от осадков, стоят на специальных подставках-стапелях несколько судов, что были ранее захвачены чудинцами. Все они дожидаются своего часа, чтобы выйти в рейд по близлежащим рекам Пола, Ловати да Шелони, где и проходит основной западный речной путь «из варяг в греки». Вот отсюда то, от речного затона, обе ватаги, местная Чудина и скандинавская дана Гарольда, соединившись, и планировали начать свой кровавый поход.

– Всё верно, – подтвердил Сотник, – Ватаги Чудина уже нет, осталась только одна пятёрка охраны вот этой самой речной базы, но, то вам на один зубок будет, правда? – и усмехнулся, разглядывая Варуна, – А вот разыскать эту самую базу, да по многочисленным речным притокам весной, будет ох как не просто, но на то ты и разведка ведь, мой друг. Тут только на тебя, как всегда, и остаётся одна наша надежда. Возьмёшься?

Варун посмотрел на Сотника, усмехнулся и ответил спокойно:

– Да давно уже готовы мы, Иванович. Всё собрано в дорогу уже. Осталось только мяса вяленного захватить, да сухарей побольше. По лесу-то ещё снега хватает пока, так что где лыжами, а где снегоступами дня за четыре, думаю, должны до места дойти.

– Ну ладно, коли так, – вздохнул Андрей, – Опять вон вас приходится гнать на улицу под самую хлябь и распутицу, а самому вон тут в тепле отлёживаться.

– Ага! – засмеялся начальник Андреевской разведки, – Да мы лучше по хляби и болоту на своём пузе полазим, чем вот тут на этих вот самых твоих тренировках каждый день пот проливать. Надоело уже! Сами уже готовы были дело себе придумать, ладно уж хоть ты подсказал, – и подмигнул лукаво командиру.

– Ну, коли так, то собирайтесь, поутру выйдете, а там, через неделю после вас и мы вдогонку выступим. О месте встречи договоримся уже на выходе.

Глава 6. Разведка затона.

Путь для звена разведки был тяжелейшим и занял не четверо суток, как изначально планировалось, а всю седмицу. Прошедший на второй день рейда дождь «раскислил» в жидкую кашу весь снег в лесах, и пришлось зачастую брести по колено, а то и вовсе по пояс в этой жиже, сбросив лыжи. Каждый малый овражек, ручей и речушка превращались в труднопреодолимое препятствие, и на исходе шестых суток, уже стоя напротив предполагаемой разбойничьей речки, мокрые и усталые лесовики совсем впали в уныние.

Бурная и разлившаяся Полометь не оставляла никаких шансов звену переправиться на другую сторону, а время между тем неумолимо шло. И обсушиваясь да греясь у разведённого костра, Варун в сотый уже раз задавался вопросом, что же им теперь делать. Рядом с ним сидели такие же мокрые и промёрзшие до костей разведчики Сева, Родион и Мартын и угрюмо сушили одежду.

– Должен быть какой-то выход, мужики, должен, думайте! – и снова молчание и сосредоточенное сопенье ребят было ему ответом.

Так и не найдя никакого выхода, все и уснули на набросанном на прогретую землю лапнике, тесно прижавшись друг к другу, и только посменный часовой чутко вслушивался в ночные шорохи леса.

Утро начиналось с весёлого гомона птиц и ранних лучей весеннего солнышка. Снега после дождя практически не осталось, и всюду теперь виделась светло-зелёная радующая глаз зелень. Вот-вот должны были уже раскрыться почки на деревьях, и тогда весь лес покроется молодой листвою. Настроение как-то само собой поднялось, и командир озвучил единственно возможный и реальный в их случае план. Следовало разбиться на две пары, и каждой пройти вверх и вниз по течению, внимательно осматривая все прибрежные заросли. Оставалась только надежда найти какое-нибудь средство переправы и вот эту-то надежду, им и следовало использовать.

Родке с Севой досталось подниматься вверх по течению особо «не отсвечивая», и они, таясь, кустами пробирались вдоль своего обрывистого берега.

– А если бы плот покрепче связать, Сев, неужто бы мы сюда не доплыли тихонько, из самой что ни на есть усадьбы сплавом? – фантазировал в слух Родион.

– Ага! При такой-то быстрине и порогах вверху?! Да нас бы враз разметало на стремнине или бы о корягу так долбануло, что вообще ни один на берег не выплыл, – охладил его мечты

более взрослый и опытный Севастьян, – Даже сейчас тут, где внизу по реке течение спокойней, и то на плоту будет сложно выплыть. Да и строить его только из сушняка можно, а это пару дней точно займёт, а то и более, причём с учётом того, что всю нашу одежду на верёвки пришлось бы порезать для увязки.

Родька кивнул, соглашаясь, и вдруг его глаза, обшаривающие небольшую прибрежную бухточку с водоворотом, зацепились за какой-то тёмный предмет, что лежал в корнях большого и раскидистого дерева. Он подошёл поближе и остолбенел! У подмытого рекой берега, под корнями нависшего дерева, закиданного ветками и листвой, виднелась часть днища одно-древка или долблёнки, как её ещё называют.

– Сева, сюда иди! – не сдержавшись, громко вскрикнул разведчик. И уже через минуту они вместе сбрасывали хворост и листву, освобождая от мусора лодку.

– Вот ты везу-учий, же Родька! – протянул напарник, разглядывая плоскодонную, вытесанную из единого ствола посудину, – Локтей десять пожалуй, в длину будет. Старая, конечно, и разохлась порядком, но думаю, что починить, да проконопатить её вполне можно. Нам для переправы самое то, пойдёт! Ты давай-ка, счастливчик, дуй за нашими, а я тут пока смолы поищу да начну её чинить, чтобы зря время не терять – и Родька что есть духу понёсся за второй парой, что осматривала нижний участок реки.

– Вот не зря я у командира под Крестцами тебя выпросил! В первый же день как вас у Бондаря отбили, я понял, что годный ты для дозорной службы человек будешь, – хвалил глазастого охотника Варун, всегда такой скупой на похвалу.

Всё звено уже третий час занималось ремонтом долблёнки. Видно, пролежала она тут не один и не два года. Кое-где разохлась и треснула, но было видно, что хотя бы на одну речную переправу на неё рассчитывать всё же было можно. Севастьян наскрёб с большой голыш сосновой смолы из подтёков расщепленных сосновых деревьев, и её тут же разогрели на костре. Распустили пару арканов из конского волоса. Поставили внутри лодки распорки и теперь тщательно конопатили бока и днище. К вечеру долблёнка была готова. Осталось только вытесать простейшие вёсла да подготовить длинные шесты – слегы, и уже в сумерках можно было начинать переправу.

Напоенная весенней влагой река стремительно неслась к далёкому Варяжскому морю, захватывая с собой ветки, деревья и всевозможный мусор. И было видно, как из очередного мутного водоворота выныривает, вращаясь, порой целое дерево, чтобы затем опять нырнуть и скрыться в тёмной и пенистой пучине.

Лодка разведчиков казалась такой ненадёжной на фоне этой грозной стихии, но деваться было некуда, и четвёрка отважных, дождавшись сумерек, установила её на воду в спокойной бухточке и оттолкнулась от берега. Началась ожесточённая борьба за жизнь, и каждый в лодке делал всё, чтобы эта борьба закончилась победой.

Четыре весла, по два на каждую сторону, синхронно опускались в воду.

– Левое, тише! – крикнул старший.

– Гляди, чтобы нос углом по течению шел!

– Левое, поддали! Скулой держимся, скулой, к берегу держим!

Лодка стремительно неслась по реке и чуть-чуть, каким-то чудом не заскочила в один из водоворотов, вовремя отведённая веслом-рулём Варуна. А справа стороны ей угрожала очередная опасность в виде большого притопленного бревна, что с широким разворотом уже было готово протаранить утлою корму лодки.

– Все резко! Раз! Раз! Раз! – раздалась команда старшины, и долблёнка рывками начала уходить из-под удара, – Мартын, слегой её, слегой отводи! – снова раздался крик, и карел с

натугой начал отталкивать тяжеленный комель. Буквально в какой-то пяди, переворачиваясь и закручиваясь по оси, проскочил этот огромный чёрный «плавун».

Всё. Вот и ещё одна опасность миновала! Лодка уже порядком отяжелела и просела от просачивающейся из всех щелей воды, но и противоположный берег был уже совсем рядышком.

– Слегами, слегами, резче толкай! – раздалась очередная команда, и лесовики начали дружно отталкиваться, уже доставая до дна и резко ускоряя движение лодки. Ещё чуть-чуть и уже можно будет выскакивать на берег.

Варун оглянулся и обмер. Сзади, закручиваясь к центру, к лодке приближалась огромная воронка. В этом водовороте, в мутной пене уже вращались какие-то кусты, мусор и обломки деревьев. Осталось буквально пара секунд и...

– Все на берег! – раздался истошный крик командира и, выученные до автоматизма выполнять команды тела, вылетели разом с однодревка в воду. Быстрее всех оказался карел Мартын. Всё своё детство провёл он в отчем доме на одном из бесчисленных карельских озёр. Видно, та детская рыбацкая сноровка ему и помогла, и он, уже стоя на берегу, принимал да подтаскивал слегой к берегу враз отяжелевших от ледяной воды товарищей.

Родька лежал вниз головой в грязи, и его тело сотрясалось от рвотных судорог.

Сева лежал на спине и, закинув голову вверх, глубоко дышал, а насквозь мокрые с головы до ног Варун с Мартыном провожали глазами те обломки лодки, что уже успели перемешаться в смертельном водовороте, и уносились теперь вниз по течению.

– Однако сушиться надо, старший, – проговорил совершенно спокойным голосом карел, – Коли не высохнем сейчас, так горячка всех заберёт.

Действительно, нужно было отогреться и хотя бы немного восстановить свои силы. Всё снаряжение, что было с ними в лодке, было безвозвратно утрачено. Один только Мартын непонятно как сумел на своих плечах вытащить походную суму или, как её ещё называл Сотник, рюкзак разведчика.

Ну и оружие... Разведка никогда не расставалась со своими небольшими лесными луками, кинжалами и ножами, сохранилось он и сейчас, так что не всё уж так и безнадежно. Оставалось только привести себя в порядок да продолжить выполнение задания.

– Мартын, друг, найди недалеко укромное место и разведи там костёр. Сейчас я ребят в порядок приведу, и мы к тебе подтянемся, – скорее попросил, чем приказал, командир, и лесовик, кивнув, исчез среди деревьев.

Через час все уже сидели вокруг костра и старательно растирались тем крепким, хмельным, что было во фляжке у старшего. Каждый уже выпил его по паре глотков, и наружный спиртовой компресс с настоем на травах, согревая горячим жаром изнутри, всё быстрее гонял кровь по телу, согревая его и снаружи. Руки и ноги покалывало, а горячая волна от желудка уже пробежала по всему телу. И теперь снова хотелось жить и есть! Есть, как же хотелось всем есть! Вымотанному организму срочно требовалась калорийная пища для восстановления сил, но эта ночь могла предложить всем только по куску размокшего вяленого мяса и небольшой кашицы сухарей, что сохранились в рюкзаке у Мартына.

Варун обвёл взглядом каждого и произнёс ободряюще:

– Не робей разведка! Главное, что все живы! Вон, у нас запасливый Мартын, даже накормить всех умудрился!

Родька при этих словах только и смог грустно вздохнуть, накормил, это, конечно, было сильно преувеличенно.

– А ты, Родька меньше бы блювал на берегу, что, там в реке русалки плохо угощали?! – потешался над молодым разведчиком Севастьян.

– Не приглянулся, видать, не сладилось, а то, глядишь, и жрать бы так не захотелось, всё бы ему нашу жратву переводить! – ворчливо подхватил поддевку командир, и лица у всех посветлели от такой вот немудрящей шутки.

– Не робей, разведка! – опять произнёс свою любимую поговорку Варун, – Вы вспомните только, как мы две недели у разбойничьего стана Свири Кривого на морозе да в сугробах проползали, а тут уже даже и сугробов-то тех нет, одна только грязь от них и осталась. Сейчас вот всю одежду высушим, поспим ночку да обедать уже у разбойничков в избушке будем, помяните мое слово! – и подмигнул враз повеселевшим ребятам.

Нужную речку с протокой нашли быстро. Была она в какой-то паре вёрст ниже по реке, и сейчас разведчики-лесовики вглядывались в строения на берегу небольшого озера-затона, от которого то и выходила та самая протока в Полометь.

На берегу были видны три длинных крытых дранкой сарая и изба, из верхних продухов которой струился вверх лёгкий дымок.

– Видать, обед наш готовят, – усмехнулся Сева.

Часовой был один. Долговязый худой дядька сидел, греясь на солнышке, и чесал за ухом у небольшой кудлатой собачонки. Ещё одна лежала на боку и дремала, закрыв морду лапами. Рядом стояло прислонённое к стенке копьёцо, а из-за пояса дядьки выглядывал небольшой топорик.

– Службу несёт спустя рукава, это хорошо-о, – тихонько проговорил Варун, лёжа рядышком с Родькой и спрятавшись за кустом крушины.

– А вот-то что собаки, это, конечно, плохо, они нас враз тут выдадут, почуяв. Тем более, что твоей травкой от запахов уже давно водяной пользуется на дне.

Ну да делать нечего, будем брать так! – и засвистел птичкой, подзывая к себе всё звено.

План, в общем-то, был незамысловатым. Главное, нужно было подобраться к избе как можно ближе, на самый верный бросок.

– Трое штурмующих: Варун, Севастьян и Мартын берут часового и ватагу с избы в кинжалы, а Родька стоит на подстраховке с луком, и помните, один нам нужен живым! – разъяснял всем командир.

Трюк с дымовыми пашками тут не прокатывал из-за их отсутствия, поэтому самым слабым звеном был бой внутри помещения, ну да делать было нечего, и время уже пошло на минуты.

Худой продолжал играть с лохматой Буськой, когда насторожившийся Беляк вскочил и зарычал на ближайший куст напротив входа в избу. Буська тут же развернулась в ту же сторону, куда скалился кобель, и злобно тявкнула.

– А что-о!? – протянул Худой и приготовился уже заорать, подавая команду тревоги, почувствовав какое-то движение, когда сбоку от куста резко выросла человеческая фигура, а в его горло вошла стрела.

Собаки с визгом прыгнули в стороны, и трое разведчиков уже влетали в дверь.

Хек! Левая рука Варуна отвела перехватом запястья руку с топором, а правая–боковым ударом кинжала тут же вскрыла гортань нападавшего. Продолжая движение корпуса, командир резким ударом ноги в промежность завалил вскочившего с лавки разбойника.

Минус два!

Третий падал обратно на полати, откуда, только что вскочил, но только уже со швырковым ножом Мартына в своей груди. А вот четвёртый оказался самым подготовленным, и его короткий меч практически вскрыл бок Севы, что заскочил в избу последним. Спасла его только былая, отмененная подготовка княжьего дружинника и, когда противник постарался нанести второй удар, разведчик успел резко сблизиться и нанести ему прямой укол в сердце.

Всё, изба зачищена!

Слышалось только заплескивающее дыхание победителей, да выл в углу, держась за то место, где сходятся ноги, незадачливый ватажник.

– Как ты, Сев? – тревожно вглядывался в друга Варун, у которого мечом рассекло армячок.

Сева ощупал себя, поморщился и, сняв всё сверху, продемонстрировал длинную и неглубокую царапину, идущую справа от груди вниз через весь бок.

– Нормально, командир, царапина, обошлось на этот раз!

– Да-а, – протянул Мартын, – Чуть глубже, и тебя Сотник бы на целых два месяца от службы освободил, а так ты ещё больше теперь пахать будешь, чтобы не зевал больше.

То был добрый карельский юмор, как все, в общем-то, и поняли.

Вошедший Родька уже шуровал в очаге, проверяя, что там сготовили злодеи, и доложил командир.

– Фотич, а ты был прав насчёт обеда, сейчас уху будем есть, ну, конечно, прибраться ещё бы нужно.

– Вот я же говорил, что Родьке, где бы позвать только нужно! – усмехнулся Варун.

После того, как прибрались и пообедали, был проведён осмотр трофеев, который показал, что в двух ладейных сараях находится два грузовых, с расширенным трюмом суда – струги, загруженные как видно захваченным у купцов товаром. В третьем же стояла красивая остроносая ладья, всеми своими стремительными обводами корпуса показывающая, что это боевое и небольшое судно, рассчитанное на десять-пятнадцать человек команды. Как раз подходящее для быстрого перемещения по рекам.

Допрос деморализованного пленника показал, что они о разгроме ватаги знали, были на стороже и только ждали подхода судна друга-атамана Гарольда Волосатого, чтобы уйти с ним прочь из этих страшных мест. Да вот как-то тут не сложилось...

Звали пленного Лапоть, что, в общем-то, полностью соответствовало его облику. Попал он в разбойничью ватагу совершенно случайно, взятый из освобождённых рабичей, что везли болгарские купцы себе с торгового. В рабскую же кабалу с его слов он попал по причине не возврата кабального займа хозяину за прошлый посевной материал. Не уродилась рожь у человека – потерял свободу, вот так тут было с этим всё просто.

В кровавых делах Лапоть поучаствовать не успел, и Варун чувствовал – не врёт недотёпа. Кровь на людях он «видел». Поэтому пленному была обещана жизнь да честный суд в Великом Новгороде, ну а он выложил в ответ всё то, что только знал о ладейном разбое и исправно, затем помогал по хозяйству до прибытия сотни.

Глава 7. Речной разбой.

Гарольд Волосатый вышагивал по ладье, что ходко шла под парусом по широкой русской реке Пола и хмурился. Не нравился ему этот поход. Слишком много тут было неопределённости и мало места для манёвра. Если бы не сам командующий королевским датским флотом и первый морской министр Герхард, что потребовал его безусловного выполнения, в жизни бы не сунулся он в эти узкие речные берега. Нет тут привычного морского простора, солёных брызг и воя свежего ветра в парусах. Не трогает душу скандинава суровая природа русского севера. Но у короля данов тут были свои интересы, и их следовало, безусловно, исполнять. В Восточном (Балтийском) море и на его побережье уже какой год шла ожесточённая тайная война между доминировавшей со времён викингов на Балтике Данией и всё усиливающимся в последнее время Ганзейским союзом.

Немецкие северные земли с их свободными приморскими городами Любеком, Гамбургом, Ратцебургом и десятками прочих резко усиливались, ведя при этом, активную торговлю

друг с другом и с дальними землями. И их уже не устраивала роль Дании как главного властителя, надсмотрщика и душителя всякой свободы на просторах Балтики. Эта тайная война была готова вот-вот вылиться в ожесточённую и явную, и необходимо было срочно собрать все возможные сведения о том, готов ли вообще Новгород Великий поддержать свою союзницу Ганзу, а если удастся, то и постараться помешать этому, опередив. По большому же счёту нужно было постараться вообще разорвать этот союз. Поэтому, кроме большой денежной суммы, для подкупа новгородских должностных лиц Гарольд оставил своему агенту, купцу Остромиру большой свиток с письменными инструкциями, что и как делать для подрыва отношений союзников. Сам же он приступил к выполнению второй части плана.

Следовало дискредитировать своего противника – этих проклятых немцев, что посмели угрожать владычеству гордых потомков викингов. И нужно было под видом ганзейских пиратов совершить как можно больше кровавых злодейств во внутренних водах Великого Новгорода, посеяв тем самым раздор между союзниками. Поэтому и шли под парусом две боевые речные ладьи, а на день впереди них двигались два судна купцов, торгующих оружием и металлом. Вот они и должны были стать первой жертвой нападения пиратов. Товар же у них с удовольствием был готов принять агент дана, тот самый купец Остромир, платя при этом звонкой монетой или же цeniaщимися в Европе мехами.

На третий день пути, когда до нужного поворота на Полометь оставалось не более десяти вёрст, впереди вдруг показались два паруса. Забравшийся на «воронье гнездо» мачты юнга с острым глазом подтвердил, что осадка у купцов низкая, видать везут тяжёлое, а у крайней ладьи на корме виден хвост в виде красного веера.

– Наши суда! – понял Гарольд и отдал на соседнее судно под командованием Скёгги приказ готовиться к abordажу. По семь с половиной десятков опытных головорезов на каждом судне было под его командой. Лучших королевских моряков и воинов выделил Герхард для такого важного дела. И каждый из них, как настоящий профессионал сам прекрасно знал, что ему нужно делать, облачаясь в броню и готовя своё оружие к бою.

– Вышата Гредиславович, две ладьи догоняют, вон, как ходко-то по стремени идут, – обратился к купцу приказчик Филипп.

Купец прошёл на корму, где уже стоял его главный кормчий Боян, и с тревогой всмотрелся в приближающиеся суда.

– Что думаешь-то, Боян, нет ли худого чего от этих вон, что сзади идут, с чего бы им так разогнаться было?

Боян не спеша посмотрел вниз на осадку своего судна, послунывил, подняв вверх палец, покосился на хлопающий под свежим ветерком парус и проговорил спокойно:

– У нас осадка под железным товаром, Гредиславович, в два раза больше, да и ладьи наши поширшее ихних будут, от того то и ход у энтих посудин шибче. А по флагу, так это суда из Ганзы, что нашим союзником на Варяжском море будет, неужто думаешь, что немцы в наших внутренних водах озоровать станут?

Вышата пожал плечами и ответил:

– Тебе виднее, кормчий, пойдём, Филипп, укладку проверим, – и отошёл к трюмной лестнице.

На двух русских ладьях было примерно по сорок человек, и двенадцать из них были охраной, старший над которой Молчан. Человеком он был суровым и недоверчивым. Несмотря на спокойствие начальства, старшина, тем не менее, отдал приказ для своей дружины быть наготове, и вот наконец ладьи сблизилсь. На палубе у бортов выстроились все, кто только тут был. Нечасто вот так вот в плаванье встречаются попутчики, и всем было интересно, какие же вести принесли им немцы.

– Эгей, новгородцы, привет вам, мир да добро! – возвышаясь над бортом, прокричал высокий черноволосый мужчина с длинной бородой и свёрнутым на бок носом, – Кто вы, и куда путь держите? – с небольшим каркающим акцентом продолжал он спрашивать.

– Я купец оружейной гильдии батюшки Великого Новгорода Вышата Гредиславович, к Твери свой путь держу, – важно ответил хозяин русского торгового каравана, – А вы кто такие, и почто же торопитесь так?

Его собеседник громко расхохотался, подняв верх обе руки, и прокричал:

– Я купец великой Ганзы из Любека, Готфрид Нибур!

– Да здравствует Ганза! – ещё громче проорал он, и его крик подхватили все, кто находился на двух его судах, что уже почти в притирку прижались борт к борту с русскими ладьями.

А затем раздалось:

– Achtung alle! Machdichbereit! (Внимание все! Приготовиться! Нем.) Væropmæg ksompå alle! Bay! (– Внимание все! Бей! Дат.)

И в столпившихся вдоль бортов русских ударил плотный залп десятков копий, стрел и арбалетных болтов. На палубе Вышаты всё смешалось в кровавом хаосе, только и слышались вопли, громкие стоны раненых и хрипы умирающих людей. Ладьи вероломных потомков викингов синхронно сблизились, подтянутые брошенными abordажными кошками, и с них на русские палубы с рёвом посыпалась лучшая на тот момент морская корабельная рать, размахивая секирами, мечами и швыряя на лету в цель копья. Только в нескольких местах палуб вспыхнули короткие и ожесточённые схватки, это продавала подороже свою жизнь охрана русского купца, но и она была вскоре смята бешеным натиском атакующих.

Тем не менее, несколько человек, с русских ладей всё же успели выпрыгнуть в воду и теперь отплывали от взятых штурмом судов. И Гарольд Волосатый отдал громкий приказ:

– Hosdem, derikkeskyderivandet! Laddem svømmeti lkysten! Deskalo verleve! (– В тех, кто в воде не стрелять! Пусть плывут к берегу! Они должны выжить! Дат.)

Ближайшими к его ладье были охранники Светозар и Онни, они, оглядываясь на близких врагов, вжимали головы пониже в воду, но упорно продолжали тащить за собой своего раненого старшину Молчана. У того от потери крови давно уже не осталось сил, и он бы сразу пошёл на дно, но верные товарищи буксировали его к берегу, не бросая.

– Se på de modige russere! De opgiver ikke deres sårede! Betal dem for deres mod, og du giver et par pile ved siden af dem, så de ikke tror, at de så let frigøres!

(– Посмотрите на смелых русских! Они не бросают своего раненого! Воздайте им за их храбрость, а вы дайте рядом несколько стрел, чтобы они не думали, что их так просто отпускают! Дат.)

Угасающим сознанием, словно через пелену, смотрел Молчан, как громко на незнакомом языке что-то орёт высокий волосатый враг, а его кличу вторит хор многочисленных голосов победителей, и падают рядом в воду стрелы.

Всё! На этом его сознание погасло.

Гарольд прохаживался по ладье русских и хмурился. Как бы ни хорошо было спланировано нападение, а трёх своих человек убитыми и ещё пятерых серьёзно раненными он в походе уже потерял. И всё эта русская охрана, настоящие храбрые воины, насмерть встали с мечами против множества викингов. Старший, которому он отдавал честь, когда его уже утаскивали вплавь подручные, на его глазах зарубил двоих и серьёзно ранил третьего, пока благородный Хаук, его лучший боец, не разрубил ему мечём грудную клетку. От такой страшной раны не выживают, твёрдо знал пират, поэтому и разрешил он отпустить этого столь опасного русского вплавь.

Досаду от потерь частично скрашивал вид богатой добычи. Сотни единиц разнообразного, прекрасной работы оружия и брони. Тонны металла в слитках и кованных полосах. Да! Богатство по нынешним временам было огромное! Всё это следовало срочно переправить в

Новгород и сбыть там, через Остромира или же вовсе переправить в Данию. Даже с учётом того, что его агент заберёт себе процент за «нагляд» или продажу, всё равно выйдет огромная сумма, и тогда-то он будет воистину богат. Нужно будет по пути только растерзать ещё пару торговых караванов, чтобы как следует наследить, подставляя Ганзу поосновательней, и всё, он свою миссию тут выполнил. Можно будет спешить на победный доклад к самому командующему датским флотом, и ждать от короля великой милости. И от дурного настроения, вызванного недавними потерями, у Гарольда не осталось и следа. Всё идёт как нельзя лучше, а люди, что люди!/? Людей он наберёт у его товарища по пиратскому прошлому Чудина.

– Всё, заканчивайте! Все трупы за борт! Этих двух русских пленных, купца и кормчего убьём позже после пыток и допроса на берегу, а пока свяжите ка да бросьте их в трюм! Всем распределиться, как я сказал, по ладьям. Мы выдвигаемся к Поломети, пополним там команды, пару дней отдохнём и тогда уже dokonчим начатое!

И четыре ладьи под красными флагами Ганзы вышли в направлении устья реки Полометь.

Глава 8. Бой в затоне.

– Шикарно тут они устроились! – качая головой, проговорил Сотник, осматривая речную базу вместе с Варуном.

Как всё капитально устроено, и сухие ладейные сараи со сходами в воду для судов, и небольшая кузня с варочной для смолы да всяким ремонтным инструментом. Вот рядом амбар для хранения продуктов и сарай награбленного с караванов товара. Видно, действительно, покойный атаман хорошую школу морехода в своё время прошёл, пока пиратствовал на Балтике, да и староста его, надо признать, был хозяйственником отменным.

Теперь же в этом месте предстояло устроить засаду для самого друга Чудина, дана Гарольда Волосатого и, зная какие скандинавы хорошие воины, стоило всё тщательно продумать, чтобы избежать больших потерь.

В избе, ставшей временным штабом, сидели вокруг большого стола все старшие боевых групп и командиры, а сам Сотник, в который раз хмурясь, окидывал большой лист пергамента, на котором была расчерчена схема затона и речки Малиновкой с её протокой в Полометь.

Пауза явно затянулась, и восемь присутствующих командиров начали потихоньку между собой перешептываться. Сотник досадливо поморщился, ещё раз расчерчивая какие-то стрелочки на своей схеме. Затем поднял от неё глаза, обвёл всех взглядом и, когда вокруг стало так тихо, что даже было слышно гудение комара, пролетающего у дальнего конца стола, возле сидящего старшины Лавра Буриславовича, заговорил:

– Послушайте, братцы, мой план, затем скажите, что непонятно, и все вместе внесём уже в него дополнения. Итак, наши силы – всего пятьдесят четыре бойца. Из них трое временно прикомандированных: Вторак, Ивор да Осип, что сами добровольно с нами напросились. Плюс два мальчика: Митька с Азатом, две девки – лекарши: Лизка с Катькой, да два тихохода из крепостной пары – это Онисим с Ильёю. Итого мы имеем девять человек, кого в прямой бой кидать никак нельзя, и остаётся у нас всего-навсего сорок пять бойцов. Сила, конечно, тоже немалая. Но ведь и данов может быть никак не меньше, а полагаю, что даже и больше может быть. Одна боевая ладья от сорока до восьмидесяти бойцов на себя брать может. Берём среднее, и где-то тогда шестьдесят человек выходит. Каково?! – и оглядел притихших товарищей, – И это всё не лесные разбойники бездоспешные, а матёрые морские рубаки! Самое правильное тут было бы отказаться от прямого с ними боя, засыпать их стрелами с лесного берега, ударить бронебойными болтами и заставить отступить. Увидев такой отпор, они, я думаю, уже в ближний бой не полезут, понимая, что находятся не на своей земле, и что это им не три сотни лет назад, когда наша Русь была безлюдной и слабой, а викинги были непобедимыми и лихими парнями.

Сейчас тут и зубы можно будет потерять вместе с самой челюстью. Так что, уверен, не полезут к нам даны, а мы затем спокойно и без крови сможем к себе домой уйти.

Командир замолчал и спокойно смотрел на своих ветеранов. Пауза повисела-повисела и рухнула в бурчании и гомоне голосов.

– Тихо вы! – крикнул на ворчунов Климент, – А то вы нашего Сотника не знаете! Хрен он, когда врага от себя целым отпустит. Просто на вас посмотреть хочет как обычно, мнение своих балбесов услышать! А вы и ведётесь!

Сотник усмехнулся:

– Психологи, блин!

На раз его уже читают. Помолчал немного и продолжил:

– Да, вы правы, врага целым я отпускать не люблю, но и класть ваши жизни, ради победы, радости для меня никакой нету. Хотя, как я понимаю, выбора у меня нет, и вы всё равно будете настаивать на бое с превосходящими силами противника? Все в избе единодушно подтвердили и так очевидное.

Бою быть непременно!

– Ну что же, коли так, то слушайте тогда меня все внимательно. От чёткого выполнения этого плана будет зависеть, сколько всего прольётся нашей крови. Увы, такая победа и над таким врагом без этого просто быть не может, как бы прискорбно это сейчас не звучало. Поэтому нужно сделать все, чтобы пролить её как можно меньше. Прибытия викингов мы ждём со дня на день, но совсем не факт, что они сразу, же пойдут в протоку. Гарольд – волчара битый, если до столько лет в своих дальних рейдах дожить сумел. Так что, первое, что мы должны знать, это известие, когда они появятся. С дозором у устья будут дежурить разведчики и наш самый шустрый бегун Митяй, ему и весть нести от Варуна. Маратка, конечно, будет с другом проситься, но придётся ему его тут на базе ждать. Слаб он пока для скорого бега. Не угонится за дружкой, и мы только зря время потеряем.

– Итак, Варун посылает весть с Митяем, а сам берегом сопровождает ладью до того места, где они высадят свою разведку. Что так смотрите на меня? Даже не сомневайтесь! Прежде, чем протоку пройти, они тут всё своими руками прощупают и удостоверятся, что на них засада не выставлена. Поэтому, пока их разведка не отработает и не скажет своему хозяину, что тут путь чист, её и пальцем ни в коем случае даже трогать не смейте. Только когда ладья в затон пойдёт, в ножи берите, и то чтобы тихо!

– Ну вот, и когда судно к нам зайдёт, перекрываем ему отступление назад в реку и всех, кто находится на борту, методично уничтожаем из укрытия.

– На этот случай у нас имеется три самых мощных речных самострела и четыре попроче. Но так то тоже довольно мощных с перезарядкой в виде «козьей ножки», пять ещё более простых с перезарядкой типа «самсонова пояса», ну и восемь уже самых простых с привычной всем ручной перезарядкой. Как видите, двенадцать первых самострелов пробьют любой доспех, а первые три так и корму в упор продырявить смогут, расстояние-то здесь совсем небольшое. Ну а, остальные у нас будут работать луками.

Сотник сделал паузу, взглядываясь в план и почёсывая карандашом ухо, проговорил:

– Ну что же, может, получится, главное, братцы, нам не подставляться! И подготовить сюрпризы на самый крайний случай.

– Вы все должны понимать, что у данов самое совершенное на тот момент оружие, и все они отличные бойцы. Ведь они всю жизнь воюют и той войной живут, а сейчас вон вообще с Ганзой и всеми немецкими городами побережья бодаются, значит, у них арбалеты и хорошие луки тоже имеются, коли зевнём, столько дырок понаделают, только держись! Так, давайте обсудим все мелочи и детали, пододвигайтесь ко мне поближе, и над большим столом пошла кропотливая штабная работа.

Четыре ладьи медленно втягивались в устье Поломети. Ветер уже не был попутным, только чуть-чуть надувая паруса, и уже следовало бы перейти на вёсла, но Гарольд Волосатый не спешил. Зачем из хороших воинов раньше времени делать плохих гребцов, когда их силы могут понадобиться в ратном деле. Он пока не чувствовал опасности, но всегда и везде нужно было соблюдать осторожность, тем более, если ты находишься так далеко от своего дома. А тут ещё эти непонятные слухи, о какой-то там Обережной сотне, что успешно действовала против разбойников, причём как раз где-то в этих землях. Да о развешанных на деревьях разбойниках и отсутствии у купца вестей от Чудина, была тут в душе какая-то смутная тревога. Всё вместе это весьма настораживало, но вот верить своему агенту, трусу Остромиру, как-то тоже не хотелось, ему и так всё время мерещилась дыба, да щипцы палача в подвале Наместника за своё сотрудничество с врагами Великого Новгорода. А Чудина просто так тоже не возьмёшь, это с его-то звериной интуицией?! И пират отбросил все ненужные опасения в сторону. Вот-вот с правой стороны уже должна открыться нужная ему протока.

– Трое вперёд! – махнул рукой капитан, и к лесному берегу заскользил небольшой челн дозорных, под командой Гюнтера, имя которого действительно в переводе значило как охотник.

– Вот они, Фотич, к пологому мыску гребут, – шепнул старшему Родька. Отходить надо! Если у них глаз острый, то среди голых кустов любую тень разглядеть смогут.

Варун согласно кивнул и тихо отдал команду:

– Уходим к затону на «мягких лапах», там их дозор встречать будем, да глядите, чтобы ненароком какой след не вмяли, земля-то ныне мягкая, как куница крадитесь поверху.

Гюнтер с двумя лесовиками из финской суми вытащив на берег челн, показал, молча растопыренную ладонь и затем ею же указал в лес. Тройка рассыпалась веером и, держа друг друга на виду, заскользила в сторону затона. Лесовиками все они были бывальными и шли, примечая каждую мелочь, ощупывая постоянно взглядом, как саму землю, так и густой подлесок. Вот один присел и поднял резко вверх руку. Все тут же присели, и в их руках мгновенно оказались небольшие лесные луки, а на тетивах уже лежали стрелы. Всё было тихо в лесу, заполненным птичьим гомоном, и все трое мигом собрались у того места, что привлекло внимание дозорного. Около поваленного бревна на влажной и мягкой земле виднелась небольшая вмятина, будто от пятки, да и на самом бревне мох был явно потревожен. Их явно тут ждали, и волосы на загривках у дозора встали торчком, а сами они напряглись, словно кожей чувствуя, куда войдёт первая стрела невидимого пока врага. Жизнь обнаруженного разведчика короткая, и это знал каждый из них прекрасно. Но секунды шли за секундами, а оперённой смерти всё не было, и Гюнтер, не выдержав, начал повторный тщательный осмотр места. Разглядывая всё вокруг общим панорамным зрением, он отметил наклонившееся в их сторону сухое дерево, у которого верхушка была сломана как видно недавним сильным ветром. Пройдя чуть в бок, обнаружил он добрый кусок от её верхушки, что, как видно, при изломе выбросило в сторону лежащего бревна, и уже при падении тот содрал с него кусок мха да упал комельком на землю, чуть-чуть её собою примяв.

– Overspising flyveagar skgoblin! (– Обьевшиися мухоморов лешие! Дат.) – выругался старший, и подозвал к себе обоих финнов. Им хватило всего пары секунд, чтобы всё понять, и дальше к затону, они дошли уже без приключений.

Минут двадцать уже наблюдал за базой старший дозора, и ничего его не могло насторожить. Грясь на завалинке, у входа в избу сидел часовой, да и какой это был часовой, так, одна пародия на него. Его копьё было прислонено к стене, небольшой плотницкий топорик на поясе был сдвинут подальше, а сам он, отсвечивая голым торсом, гладил двух лохматых собачек и что-то там мурлыкал себе под нос. На подмостках у затона сидел какой-то невыра-

зительный пожилой мужичок и удил с него рыбу, вот только что на глазах он вытащил приличных размеров язя. А над избушкой из верхнего продуха шёл еле видимый дымок, и даже до недалёкого перелеска с дозором доходил явно различимый запах ухи. Гюнтер ощутил во рту прилив слюны. Дело было к обеду, и хотелось уже поесть чего-нибудь горяченького. Всё было спокойно, и можно было тихонько подкрасться поближе. Вдруг из избы неожиданно вывалились два мужика и, широко разевая пасть, начали бранить друг друга плохо понятными датчанину словами. Единственно, что он смог разобрать, это были какие-то местные ругательства, связанные со свиньёй, собакой и чьей-то там матерью.

– Bastards! Deeralle беру sether! (– Сволочи! Они же тут все пьяные! Дат.) зашипел Гюнтер, заметив, что и бузотёры, и рыбак, и даже сам часовой заметно так покачиваются. А рыбак, тот и вовсе, пока вытаскивал из реки рыбу, как то умудрился свалиться с мостков, и теперь уже весь мокрый вылезал на мостки, при этом громко ругаясь. Удочки же у него в руках уже, разумеется, не было.

Всё тут было ясно, и дозор, уже не таясь, вышел на базу. Какие бы ни были разбойники недотёпы, но службу они всё же знали и, когда Гюнтер подходил к избе, его уже встречали четверо грязных и косматых мужиков с простыми копьями да топорами в руках. А сзади от затона, заметно пошатываясь, подходил с длинной оглоблей тот самый мокрый рыбак. Всех их хватило бы волкам Гарольда на полминуты, время только выхватить короткие мечи да пошинковать недотёп в капусту. Но старший дозора улыбнулся как можно дружелюбнее и, вытянув в стороны пустые руки с зажатой сосновой веточкой, начал спокойно что-то говорить на незнакомом для русских языке.

– Старший дозора Гюнтер приветствовать люд Чудина, – довольно сносно переводил один из финнов, – Где есть ваш хозяин и почему он не встречать сам своего друга Гарольда?

Один из недавних скандалистов почесал глубокомысленно голову, засунул топор за пазуху и что-то там зачастил по-русски.

– Меедленно, меедленно говори, – морщась, выговорил переводчик и начал пересказывать все то, что понял из сбивчивого рассказа русского.

– Эта пьяная свинья говорит, что их атаман Чудин прислал весть, ждать его в затоне после завтра. У них много дорогого товара, а дороги ещё не просохли, поэтому они и задержались с подходом.

Финн усмехнулся.

– Ещё он просит не говорить хозяину, что ты увидел их, пьяными, иначе за это он может лишиться головы. Они решили всё тут побыстрее выпить, до прихода ватаги, и не рассчитывали быть нами застигнутыми.

Гюнтер оглядел весь двор и усмехнулся:

– Переведи им, что, если они не приготовят нам царский ужин, скрыть это досадное происшествие ему тогда будет весьма и весьма трудно.

После того, как финн закончил говорить, все русские мужики разом начали кивать и униженно кланяться.

– Beskidte russiske svin! (– Грязные русские свиньи! Дат.), – Гюнтер сплюнул на землю и кивнул переводчику, – Оску, ты останешься с этими животными и смотри, чтобы они тут не перепились, пока мы будем сюда грести. А мы с Ялмари приведём в затон весь наш отряд. И последнее, спроси у того лохматого, как зовут их собак, этот вопрос им просил задать сам хозяин. Похоже, что для проверки.

Оску перевёл вопрос и, выслушав торопливое объяснение, ответил:

– Он сказал, что собаку женщину зовут «сучека Бусы», а собаку мужчину «кабелья Белый или Беляк», что-то в этом роде.

Гюнтер кивнул, и развернувшись, лёгко побежал в сторону протоки со вторым молчаливым финном Ялмари.

– Ну, всё! Начинается вторая часть балета – «развязка», – подумал Сотник, самолично играя роль лохматого и придурковатого недотёпы.

План пришлось менять и корректировать, ведь никто не ожидал прибытия такого огромного числа врагов, но вот главного изменить уже было нельзя. Предстояло сразиться с полтора сотнями отборных, вымуштрованных головорезов, и у командира теперь стоял холодок на душе.

– Эй, финна, пошли, что ли в избу, у меня там солёная рыба вку-усная, – причмокнул и подмигнул, дурачась, Сотник.

– Я не финна, я есть воин сумь, русский свинья, – гордо вскинул голову Оску, направившись, тем не менее, вслед за мужиком.

Какой же финн откажется от хорошей рыбы, тем более ждать своих товарищей предстояло ещё долго.

Дверная притолока была низковата и, когда гордый финский воин выпрямился, зайдя внутрь, резко вдруг развернувшийся русский нанёс ему жёсткий удар основанием левой ладони в печень. Оску согнулся пополам, но все же успел потянуться за сапожным ножом. И в это время второй резкий удар в затылок вырубил его сознание. Помощь зашедших «в развалочку» товарищей тут уже не понадобилась.

– Этого пока вяжем! Плотникам быстрее подрубить стойки пристани! Всем остальным занять свои позиции и не высовываться! При ведении огня чаще менять свои места! – и над затоном раздалось тревожное криканье селезня.

– Сигнал для всей сотни. К бою!

Первым в протоку заходил челн с Гюнтером и двумя гребцами, за ним на вёслах втягивалась большая ладья с резкими обводами корпуса под флагом Ганзы. На её палубе можно было увидеть огромную команду из не менее, чем семи десятков человек, а сзади на буксире заходило ещё две явно купеческие, с расширенным трюмом и с командой из девяти человек в каждой.

Итого девять десятков воинов «с хвостиком», против его пяти.

Вторая ладья с флагом Ганзы в затон не спешила и была пришвартована к противоположному берегу Поломети.

– Может, оно и к лучшему, – вздохнул Сотник, – Этих бы хотя бы суметь «переварить»!

Скёгги, капитан боевой ладьи, вглядывался в открывшийся за протокой затон. Он не был большим, но для стоянки нескольких ладей подходил идеально. Глубокий и закрытый со всех сторон густым лесом, он чем-то напоминал ему Балтийский берег финского племени Сумь в Ботническом заливе.

Настоящее волчье логово для их пиратского промысла!

Рядом стоял лучший боец их команды Хаук и тоже осматривал берега строения, что стояли рядом со сходнями и небольшим бревенчатым причалом.

На берегу всё было спокойно. Слонялись по берегу три русских мужика в каких-то неказистых и серых мешковатых одеждах.

Вот один из них подошёл к самой бревенчатой пристани, помахал эдак вальяжно приближающейся ладье рукой и на глазах у всей команды справил, покачиваясь, малую нужду прямо, напротив, в озеро.

– Bastard! Dettemå flosses, såhantillader sig enbeskidt russi skgris! (– Сволочь! Этого нужно выпороть, что он себе позволяет грязная русская свинья! Дат.), – возмущённо выдохнул Скёгги!

И Хаук согласно кивнул. Караван из трёх судов полностью вышел из протоки, втягиваясь в затон. Челн Гюнтера уже приставал к пристани, и из него готовились выпрыгивать к швартовым гребцы.

В этот миг ближайший и пока что не выпоротый русский спокойно развернулся да зашёл бочком в ближайший сарай. Как-то незаметно пропали и все остальные серые фигуры, а в воздухе вдруг резко сгустилось предчувствие опасности. Скёгги не мог себе отчётливо сказать, что было вокруг не так, но вся его битая-перебитая сущность просто сейчас вопила ором: «Вокруг смерть! Спасайся или дерись!»

И он уже даже успел открыть рот для подачи сигнала тревоги, когда с резким свистом в его грудь вошёл первый арбалетный болт!

И со всех сторон по ладьям ударил дождь стрел и гранёных болтов! На палубе ладьи всё смешалось в красном хаосе из мешанины окровавленных тел.

– Бей! Бей! Бей!

Только и слышался крик со всех сторон затона. И падали, порою пробитые насквозь, славные датские воины.

– Skærme op! Crossbowmen og bueskytter skyder! De ældste opdrager krigerne! Alle er klar til overfaldet! Klip rebet! (Щиты вверх! Арбалетчики и лучники вести огонь! Старшим поднять воинов! Всем приготовиться к штурму! Руби канат! Дат.), – разъярённым медведем взревел Хаук.

И вверх ушла дымная стрела – отчаянный призыв к хозяину Гарольду о помощи.

Пару десятков пиратов смело смертельным дождём с палубы. Но остальные были опытными воинами и прекрасно понимали, что их единственный шанс выжить – это сейчас биться и атаковать, причём срочно, не теряя ни одной секунды!

С грохотом над бортами встала стена щитов. Упал в воду со стрелой в спине воин с секирой, но всё-таки сумел перерубить канат-цепку с соседней ладьёй. И вот воду вспенили весла, а ладья скоро пошла к берегу, набирая ход. Из-за щитов всё чаще стали высовываться лучники и арбалетчики, отвечая на огонь лесных стрелков.

– Пора! – понял Андрей и, резко свистнув, командовал, – Стенка пошла!

Откуда-то из-за избы дружно вылетел десяток русских воинов в полной броне и с большими щитами пешцев под командой десятника Тимофея. За ними, прикрытые тяжёлой пехотой, неслись Вторак и Ивор с топорами наготове.

Бум! Бум! Бум! Загрохотали щиты, наглухо закрывая собою плотников.

– Руби канаты! – опять отдал команду Сотник.

И по толстым причальным канатам, сдерживающим подрубленный причал, дружно ударили топоры.

Щёлк! Щёлк! Щёлк! Забили дробью стрелы по щитам, выбивая из них щепки. Бум! Ударил гулко, пробивая щит насквозь, первый арбалетный болт!

Бум! Ещё один вошёл вглубь стенки, и из неё вдруг выпал, образовав разрыв, пробитый Назар.

Всё! Кульминация!

«Если сейчас викинги положат стенку и ворвутся на берег, то их тут уже ничего не остановит, и тогда даны вырежут всех!» – отчётливо понял Андрей и, выскочив на середину двора, громко закричал

– Всем бить по стрелкам ладьи! Огонь!

Сосредоточенный огонь десятков луков и арбалетов по открывшемуся противнику сделал своё дело и дал такую нужную золотую паузу русским.

Один за другим лопнули подрубленные канаты. Пристань подкосилась и резко рухнула в сторону подходящей к берегу ладьи, с глухим ударом отталкивая её от берега. Стенка начала отходить за сарай, а позади неё, неся на плече одно и оттаскивая за ворота кольчуг два других окровавленных тела, с натугой шагал Тимофей. Одна за другой ударили в него стрелы из ладьи. С глухим хрустом впился куда-то арбалетный болт. Десятник пошатнулся и присел, наклонившись на одно колено.

– Ру-у-усь!

Раздался рёв древнего дружинного клича и, встав окровавленный на ноги, он сделал, натужно шатаясь, те так нужные шаги, чтобы уйти с телами друзей за стену избы.

И началось новое противостояние стрелков.

Лучники у данов были отменными. Арбалетов у них тоже было с избытком. И из зарослей да сосен, с верхних стрелковых насидок, начали слетать сбитые ветки. Вдруг раздался резкий вскрик Митьки, и он слетел к подножию сосны незащищенный и совершенно открытый врагу. Сотник похолодел. На его глазах из кустов вылетела маленькая фигурка Митькиного друга Марата и, подхватив под руки, начала оттаскивать его в кусты – прочь с линии огня! Свистнула одна, затем вторая стрела, и вот уже упал на землю и сам маленький берендеич! Вдруг выскочившая из-за кустов Лизка схватила мальчишек за шкурки и потащила их обоих в заросли.

Всё это видел, как будто в каком-то полусне Сотник. Его Митьку убили! Убили его сына!

Над поляной раздался рёв неистовый ярости! И высаживающиеся на берег, сумевшие всё-таки причалить два десятка данов, невольно замерли, не в силах совершить такой сейчас нужный резкий бросок. А со всех сторон нёсся жуткий леденящий кровь вой волков. Русская дружина страшно и неистово шла в ближний бой.

– Руби всех! Ру-у-усь!

Первыми ударили в данов шесть оставшихся от стенки воинов, хотя бы немного, но сковав выбегающую от ладьи ватагу и приняв на щиты их удары мечей и секир. Затем в скандинавов со всех сторон врубались мечники под командой Климента и Филата, а в довершение, из зарослей вылетели потерявшие всякий страх самострельщики, и на глазах у врага, завершив перезарядку, выпустили в упор свои бронебойные болты. Среди них, помимо седых мужиков, выделялись две русые девки. Одна с окровавленным плечом рыча как рысь, дотянула рычагом взвода «козьей ножкой» дугу своего арбалета и буквально в упор пробила тяжёлую кованую броню огромного бородатого викинга.

На Андрея нашла высшая степень ярости. Он крутился в самом центре битвы и неистово хлестал вокруг обоими мечами. Вот один его противник рухнул с перебитым плечом, второй упал, фонтанируя разрубленной шеей, третий неловко подломился в ногах и затем уткнулся в землю. На берегу уже не оставалось никого из целых врагов и, с разбегу оттолкнувшись от высоких сходней, Сотник буквально взлетел вверх. Ему нужно было добраться туда, где оставались ещё враги, те, кто только что убил его сына, а теперь он убьёт их. Убьёт их Всех!

Время сжалось до игольного ушка и, пролетая сверху к палубе, синхронным хлёстом сверху вниз Сотник рассёк двух выцеливающих кого-то на берегу арбалетчиков. Приземление на обе ноги! Левый меч парировал и отвёл в бок удар секиры высокого, рыжего дана, а правый булат уже врубался в его открытый бок. Удар ноги и мёртвый противник рухнул на палубу, освобождая проход.

Перед Андреем стояли последние пять оставшихся в живых противников. Двое из них стояли уже с взведёнными самострелами и целили в него. Старший, лучший воин всей дружины Хаук поднял резко меч и закричал:

– Skyd ikke! Jeg kæmper alene. Han er en stor kriger, og det er en ære for mig! (– Не стрелять! Я бьюсь один. Он великий воин и это честь для меня! Дат.)

Арбалетчики послушно опустили оружие, и высокий голубоглазый воин со светлыми волосами манерно поклонился и вышел вперёд, вынимая из ножен оба своих меча. Казалось, что всё стихло вокруг, и даже раненные перестали стонать, словно почувствовав всю важность момента.

– Рыцарь, значит! Ну-ну! – проговорил угрюмо Сотник, – А как мирным людям головы сечь да несчастных баб насиловать, куда всё ваше рыцарство девается?!

Сплюнул на палубу, смахивая рукой кровь с рассечённого лба и уже вновь закипая холодной яростью:

– Закончим тут, мразь!

И четыре меча встретились со звоном в воздухе. Бой «обоеруких» сродни полёту стрекозы. Ты видишь её тело, но не видишь биения крыльев, что держат её в воздухе. Так и тут, понять со стороны кто и как атакует, как парирует удары и отводит меч противника, было со стороны абсолютно невозможно. Двое мечников танцевали на палубе среди лежащих тел, какой-то ведомый только им танец и лишь свист воздуха да звон стали говорил, что всё это происходит в самом центре мелькания смертоносного металла. Вдруг Хаук издал резкий шипящий звук и отпрянул назад, а на его левом бедре заструилась ручьём ярко алая кровь. И снова схлестнулись мечи, но было заметно, что дан всё тяжелее уходит из-под атаки, замедляясь и привлекая раненую ногу. И вот очередная связка ударов. Отведя левым мечом оружие противника, Сотник резко рубанул боковым справа!

Хлесть! И рука дана покатила по палубе вместе с зажатым в ней мечом. Хаук пошатнулся и замер, ожидая добития в шею.

Андрей весь побелел, сжимая в руке мечи. Ему нужно было всего десять ударов сердца, чтобы порубить всех на палубе, мстя сейчас за сына. Но он не мог переступить через себя! Не мог переступить через Человека! А перед ним, наклонив головы и вытянув перед собой рукояткой вперёд мечи и кинжалы, стояли пять былых противников. И один вот-вот уже рухнет на палубу от кровопотери.

– Этих взять живыми! – скомандовал Клименту Сотник.

– Бейте замыкающую ладью! Закрыть протоку, самотрельщики, за мной! – и, спрыгнув на берег, кинулся в сторону Поломети.

Команда крайней ладьи, воспользовавшись заминкой, перерубила связывающий её канат и сейчас тихо уходила в сторону протоки. На её борту из всего экипажа оставалось в живых всего шесть гребцов, но шансы уцелеть у них ещё были. Небольшое течение уже было готово втянуть в протоку лёгкое судно, когда впереди захрустело и с грохотом рухнуло большое дерево, закрывая единственный проход.

– Огонь! – подал команду сотник, и залп из полутора десятка арбалетов смёл всех тех, кто был на палубе.

– За мной! – и дружина стрелков вновь устремила след за своим командиром.

Гарольд Волосатый был осторожным командиром. Поэтому и сумел он дожить до своих сорока лет, пройдя через десятки абордажей и штурмов, да сколотить себе немалое богатство таким то опасным промыслом. Вот и сейчас, предусмотрительно ожидая вести от своего второго капитана Скёгги, прохаживался он по палубе, пришвартованной к противоположному берегу Поломети ладьи, да поглядывал в сторону недалёкой протоки. Увидев сигнальную дымовую стрелу, он даже не подумал прийти своей команде на помощь, реально посчитав, что, если они подали сигнал, то, значит, там всё совсем плохо, и им он уже ничем теперь не поможет. Поэтому тут же отдал сигнал готовиться к отплытию и быть наготове.

Когда на правый берег вылетел отряд врага, ему осталось только отдать приказ, и ладья сразу же устремила вниз по течению. Толкали её восемь вёсел с каждого борта, но самое главное – теперь за него было попутное течение.

– Всем рассредоточиться и бить по своему выбору. Огонь!

И Андрей первым нажал на спуск своего речника.

Расстояние до уходящей цели было уже больше ста пятидесяти метров, но болты резко входили в борта, щиты и в тела находящихся на палубе воинов. Рассредоточенные на возвышенном берегу стрелки были в выигрышном положении, поэтому и выкашивали дождём болтов всю открытую палубу судна. Если бы не это течение, песня великого датского пирата

Гарольда Волосатого была бы однозначно спета сегодняшним вечером. Но видно, пока была не судьба, и залитая кровью ладья под красным флагом Ганзы уносила его прочь по течению, а в теле его сидело два болта. И лёжа с искажённым от страха лицом, он смотрел на уже далёкую фигурку человека, который продолжал посылать из самострела один за другим бронебойные болты. Больше четырёх сотен метров ушло судно, а они всё долетали, впиваясь в высокий борт.

Скорее из этих мест! Он сделал всё, что мог, и даже больше для своего короля, потеряв в этой земле больше ста элитных воинов и пролив свою кровь. А теперь нужно было срочно уносить свои ноги из этих страшных мест!

– Всех раненых и мёртвых сюда! – резко выкрикнул командир, и суeta на поляне перед избой приняла упорядоченный вид.

– Санитарки – лекарши, старшина и Ивор, ко мне, остальным быстро греть воду! Контроль территории, зачистка и дозор, всё бегом! – резко отдал команду Сотник, и отлаженный маховик его дружины закрутился ещё быстрее. Все знали, что такие команды исполняются только бегом, и уже через пять минут в центре были расстелены рогожи, а из избы притащили два котла заранее нагретой воды и сюда уже начали подносить раненых и убитых.

Андрей сам на своих руках нёс сына, а у него в глазах была какая-то пелена, и в висках пульсировала боль.

– Как же так, как же так! Не углядел! Не уберёг!

Положив мальчика на рогожу, он взрезал ножом окровавленную одежду на боку. Взгляду открылась следующая картина. В левом боку было входное отверстие от стреловидного арбалетного болта. Крови было немного, как видно, тот болт и не давал выходить кровотоку. Само попадание было ниже сердца, как раз где-то в районе или чуть выше селезёнки, и судя по всему около самого лёгкого, во всяком случае, выходящая кровь не была характерно алой и не пузырилась. Андрей достал зеркальце и приставил его к губам сына, про себя воздавая небесам горячую молитву Преображения: «Отче наш! Еже еси на небеси, да светиться имя твоё, да придёт царствие твоё, да будет воля твоя, яко на небеси и на земли!... Великий Господи! Милостивый Боже, помилуй моего сына раба Дмитрия! Дай ему милость жить! Прошу тебя! Подняв зеркальце и взглянув на него, Андрей застонал пораженный, на его поверхности было видно чуть запотевшее пятно! Есть дыхание! Живой Митька!

Сотник выпрямился и проревел:

– Все лекари ко мне! Мыть руки крепким хмелем! Начинаем править немедленно!

И пошла борьба за жизни раненых. Вначале Мите извлекли стреловидный болт, немного разрезав по бокам раны кожу скальпелем. Буквально по миллиметру вдвоём с Ивором, у которого пальцы воистину были железными, его вытаскивали. Затем рану тщательно промыли оставшейся перекисью водорода, перевязали чистой холстиной, а в рот влили немного успокаивающего и антибиотик широкого спектра – те две таблетки ципролета, что пока ещё были в аптечке. Дальнейший осмотр показал, что у мальчика ранена и правая нога. Стрела по касательной вырвала кус мышцы, ладно хоть кость не была задета.

– Обработываем и перевязываем!

На затылке обнаружилась приличная ссадина. Как видно, при падении с дерева получил Митя сильный удар, а затем уже и впал в беспамятство.

Всё! Сделано всё, что только можно было в этих условиях. И теперь оставалось только молиться. Переходим к следующему раненому.

Азат принёс Марата и положил на то место, где только что лежал его маленький друг. Спасая Митю, берендеич получил две стрелы, одна и сейчас торчала в его левой ноге, а другая распоролла мышцу на предплечье. И снова Ивор с Андреем, иссекая края раны, осторожно влив настой обезболивающего, вытаскивали данскую стрелу. Сама раненая в плечо Елизавета с Екатериной ассистировали, как могли, облегчая труд Сотника. Убирали самодельными там-

понами кровь. Обработывали раны и инструмент крепким настоем. Помогали зашивать. Работали все как настоящая хирургическая бригада.

Из Тимофея извлекли две стрелы и болт, ещё у него было сквозное ранение голени с переломом кости, но жить десятник будет однозначно, организм у ветерана был могучим.

Следующим был Вторак. Когда плотник рубил канат, придерживающий пристань, болт влупил ему в верхнюю правую часть бедра, пройдя навылет, и оставалось только обработать да прочистить раневой канал и уже потом забинтовать.

– Следующий!

До поздней ночи шла непрерывная борьба за жизни дружины и последними, кому оказали помощь, были уже сами лекари.

Вот обработана и зашита рана плеча от стрелы данов у Елизаветы.

Зашито рассечение на груди от секиры, полученное в рукопашной схватке у Ивора. Про порезы и раны Сотника можно было вообще не говорить. Их насчитали более семи. Благо, все они были не опасными, хотя и стоили большой кровопотери хозяину. Но, как и строжайше требовалось в Сотне, положена была обработка, так изволь пройти всякий! И к этому все уже давно относились серьёзно.

Потери сотня понесла серьёзные. Погибли ветераны с десятков стоящих в «стенке» Назар и Фока. Во время ближнего боя на берегу пали посечённые Иван и Василий. Умер прямо в верхней засидке, пробитый стрелой данского лучника Светозар. Ещё по троим прогнозы были совсем не утешительными. Слишком много крови потеряли десятник Степан и бойцы Григорий со степняком Мугатаром.

У рыжего весельчака Кочета из бывших смоленских дружинников и вовсе пришлось ампутировать ногу ниже колена, настолько размозжена была кость.

Более, чем у половины оставшихся, были серьёзные порезы и рассечения. Но всё, что было можно, для их излечения было сделано. Оказали помощь даже десяти раненым данам, чудом недобитым в горячке боя. Всего же их взяли четырнадцать, из которых Хаук и Гюнтер были командирами. Хауку перетянули да обработали, как могли, обрубок руки, из тела Гюнтера же извлекли две стрелы, и дать какие-то прогнозы по обоим было пока очень сложно. Слишком серьёзными были раны для этого времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.